

ЗАПИСКИ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

АЛЕКСАНДР ГНЕСЬ

“СТРАНА, ГДЕ ВСЁ РАБОТАЕТ”

Путешествие по Австрии с мыслями о России

*Если русских не злить, то войны с ними
не будет никогда.*

Отто фон Бисмарк

*Что русскому в радость, то немцу не
по карману.*

Из разговора с “новым русским”

Альпийская страна с дунайским прошлым

Австрия... Что представляется, когда произносится название этой страны, во многом похожей на Германию, но всегда сильно отличавшейся, особенно от Пруссии, в плане религии, архитектуры, кулинарии и общего настроения людей? Аристократический шарм Вены, разнообразие южных диалектов немецкого языка, Альпы с тирольскими переливами? У многих Австрия ассоциируется с вальсами Штрауса, с музыкой Брамса, Гайдна, Листа и, конечно же, Моцарта, одним словом, с богатейшей музыкальной культурой. Кому-то приходит на ум старинный вокзал, наполненный запахом душистого, ароматного кофе и только что испечённого штруделя (яблочного рулета). А может, Первая мировая война, которой в последнее время многие интересуются? Олимпийские игры в Инсбруке? Пожалуй, всё перечисленное – и многое другое.

Когда я много лет назад первый раз приехал в Австрию, то сразу почувствовал не только то, что это страна богатой истории и мировой культуры, но и то, что она очень многообразна. Я встречал радушных, говорливых, круглоголовых штирийцев и сдержанных, основательных, длиннолицых потомков алеманнов из самой западной федеральной земли Форарльберг, я общался с утончёнными венцами и свободолюбивыми тирольцами. Само название “Австрия” встречается в исторических документах, начиная с 996 года. Это

ГНЕСЬ Александр Аркадьевич родился в 1973 году в Новосибирске. Учился в Канаде, окончил Университетский колледж в г. Абботсфорде. С 1997 года ассоциированный член Общества устных и письменных переводчиков провинции Британская Колумбия (Канада). Преподавал в гимназиях различных земель Австрии. С 2006 года сертифицированный переводчик. В 2008 получил степень мастера (М.А.) в Институте устных и письменных переводчиков Университета Гейдельберга, Германия. Работает ведущим переводчиком в Институте археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

нейтральное государство, получившее полную независимость с подписанием Австрийского Государственного Договора в 1955 году. Австрия стала членом ЕС только лишь в 1996 году. Эта страна являлась и является частью Западной Европы, при этом исторически всегда была тесно связана со славянскими странами, не говоря уже о Венгрии.

Я проснулся, когда поезд подъезжал к Зальцбургу. И почему-то, увидев из окна этот подёрнутый утренней дымкой торжественный город Моцарта, я непроизвольно про себя напел мелодию вальса “Голубой Дунай” Штрауса. Дунайская история этой страны продолжала вторгаться в моё воображение. Поезд остановился, и в него вошёл седовласый и розоволицый мужчина в сером пиджаке с зелёной оторочкой и пуговицами из оленьей кости. Во всей его фигуре, в движениях, улыбке и традиционном южно-немецком приветствии *Grüß Gott* ощущался размеренный, сытый образ жизни и стопроцентная уверенность в завтрашнем дне. Он достал из портфеля утреннюю газету и принялся, не торопясь, её перелистывать. Я же включил сотовый телефон и решил сделать пару звонков в Россию.

Почтенный господин, услышав русскую речь, посмотрел на меня с некоторым дружелюбным удивлением и продолжил чтение газеты.

Поезд проезжал ухоженные городки, окружённые полями и виноградниками, станции со стоящими на перронах кондукторами в фуражках с красным верхом и в синих жилетах. Проезжая по Верхней Австрии, недалеко от местечка Зальцкаммергут, я вспомнил о том, что где-то в этих местах была обнаружена знаменитая гальштадтская культура иллирийцев, древнейших обитателей этих мест. Но на стенах привокзальных домов “проявлялась” уже современная популярная “культура” в виде надписей, прославляющих таланты рэпа и панк-рока.

И вот, наконец, залитый солнцем Западный вокзал Вены (*Westbahnhof*). Он, как всегда, полон людей, но здесь у меня никогда не появлялось ощущения скученности, толчеи и неопределённости. Вообще на австрийском вокзале чувствуется какой-то непроизвольный порядок. Понятие очереди и уважение к стоящим в ней людям свято для австрийцев и немцев. Вас быстро охладят взгляды разновозрастных австрийцев, если вы попытаетесь спросить без очереди даже название вокзала, на котором вы находитесь. Однажды на Южном вокзале Вены (*Südbahnhof*) молодой африканец попытался узнать о времени отправления поезда без очереди у служащего в бюро информации, что вызвало тихий и настойчивый, истинно австрийский гнев чинно стоящей публики, враз позабывшей о политкорректности. От стоявшего за мной человека, довольно интеллигентного вида, я в очередной раз услышал общераспространённое среди австрийцев солидного возраста мнение об иммиграционной политике Австрии, которое было явно не в пользу нетерпеливого темнокожего парня.

Я вышел из здания вокзала и сел на трамвай, идущий до *Зюдтиролерплатц* (площадь Южного Тироля). В названии этой площади выражается ностальгия по отторгнутой от Австрии после Первой мировой войны южной части Тироля. Австрийцы до сих пор считают Южный Тироль Австрией, и большинство жителей Южного Тироля итальянцы только по паспортам, но по языку и своей сути они больше австрийцы. Я прибыл на *Зюдтиролерплатц* как раз за пять минут до отхода автобуса в город Айзенштадт, столицу Бургенланда, – самой восточной земли Австрии, граничащей с Венгрией.

Когда едешь из Вены в Айзенштадт, сильно удивляешься бесконечным полям подсолнечников, кукурузы и зерновых, а также бескрайним виноградникам, теряющимся за горизонтом. Можно подумать, что население этой земли ничтожно мало. Чистые, новые машины и автобусы, идеальные, как будто нарисованные поля и дороги и попадающиеся то тут, то там миниатюрные придорожные часовни создают ощущение полной идиллии.

А вот и Айзенштадт. Этот город уникален тем, что, несмотря на свой статус столицы федеральной земли, он сохраняет шарм провинциального городка. Второй такой уютный город трудно найти, по-моему, даже в самой Австрии. Вдали показался и тут же скрылся за холмом дворец Эстерхази. Он является символом Айзенштадта и напоминанием о былом присутствии здесь венгерских феодалов. Одноэтажные, светлые, мадьярского типа домики вдоль дороги, с аистами на черепичных крышах, добротные дубовые ворота винных погребков, эмоционально приветствующие друг друга у мясной лавки жизне-

радостные, загорелые фрау, слегка упитанные бургеры, рассказывающие друг другу анекдоты, — всё это означало, что я в старом, добром Бургенланде.

На автовокзале меня встречали мои хорошие знакомые — австрийское семейство: Штефан, Габриэла, её сын Фабиан. Я часто останавливаюсь у них, когда приезжаю в Вену. Габриэла работает на центральной австрийской радиостанции ОРФ, расположенной в 10 минутах езды от её дома. Она интересуется всем: и историей, и литературой, и музыкой, и спортом, и, конечно же, современной политикой. Штефан, инженер-электрик по профессии, невысокий, лысоватый, подтянутый, скромный и добродушный мужчина, говорит, что Габриэла переговорит и переубедит любого, но что без них, инженеров, работники радио сгодились бы только лишь для вечерних светских бесед.

Как-то раз, когда мы пробовали молодое вино во дворе их трёхэтажного дома, в котором живут в основном молодые семьи, я спросил Габриэлу, как ей удалось одной поднять двух детей и сделать блестящую карьеру.

— В любой другой стране, может быть, за исключением Швеции или Дании, это было бы невозможно, — призналась Габриэла, — там нет тех социальных гарантий, какие есть у нас. Нам помимо шести недель оплачиваемого отпуска дают свободные дни для того, чтобы мы больше времени проводили с детьми. Да, мы платим большие налоги, но каждому носителю паспорта Австрийской Республики гарантирована пенсия, даже если он или она никогда не работали. Если пенсия небольшая, то людям, не имеющим своего собственного жилья, государство предоставляет субсидированные квартиры в пожизненное пользование. Малоимущим пенсионерам положено хотя бы раз в год ездить “на юг”, и государство за это платит. Мы не платим ни цента за посещение стоматолога, ортопеда или другого медицинского специалиста. Даже за массаж не надо платить, если вы скажете врачу, что у вас болит спина, рука или нога. И, само собой разумеется, хирургическая операция любой сложности оплачивается государством.

Сидящий рядом их сосед, почтовый служащий, Флориан, скептически заметил, что всё в Австрии скоро поменяется в сторону американского стиля жизни. Он долго жаловался на то, что почтовые служащие мало получают, работая при этом почти сорок часов в неделю. Он был убеждён, что, работая “так много”, практически невозможно заниматься семьёй.

— Вот она благодарность австрийских граждан, — с иронией сказала Габриэла, — какой бы комфортной ни была жизнь, они всё равно будут сетовать. Они даже не представляют себе, что такое жизнь в Америке, где “всё в твоих руках”.

Габриэла описывает жизнь в Америке, как работу в “Гербалайфе”. Тот, кто успел — снимает сливки, кто опоздал — сосёт палец.

— Да понятно, что у нас хорошо, но может быть ещё лучше, — скромно подвёл итог Флориан.

Итак, немного о социально-общественном аспекте Австрии в целом, а также о жизни австрийцев в частности. Из стран Европы только в Бельгии больше государственных и церковных праздников, чем в Австрии. Вообще это — типичный пример социалистического государства, в котором просто разрешено частное предпринимательство. Абсолютно бесплатное медицинское обслуживание и образование, как среднее, так и высшее, воспринимаются австрийцами как должное. Работник в этой стране должен “сильно постараться”, чтобы его уволили. Даже работодатели здесь считают, что увольнение работника — это очень серьёзное и крайнее решение, особенно если у него есть семья и он ежемесячно должен платить за квартиру, машину и прочее. И уж тем более “увольнение за безынициативность” — это для австрийцев немыслимо. Вообще инициативность не считается в этой стране важным качеством, заслуживающим уважения. Старательность и прилежание — вот основные австрийские добродетели. Работодатель обязан всё тщательнейшим образом разжевать и положить в рот работнику, а тот должен просто всё качественно проглотить...

Присутствие улыбки на лице австрийской продавщицы зависит от её сиюминутного настроения. Но если она улыбается, то это искренне. Более того, иногда в булочной, мясной лавке или на овощном рынке вы можете разговаривать с продавцом до такой степени, что он пригласит вас в гости и у вас завяжется многолетнее знакомство.

Тем не менее – *Ordnung ist Ordnung*. Однажды я зашёл в книжный магазин в штирийском городке Вайц и совсем забыл о том, что все магазины в небольших австрийских городах закрываются на обед с 12.00 до 14.00. Без пяти минут двенадцать штирийка средних лет начала “подгонять” книголюбов к выходу. Ей было всё равно, что, возможно, за оставшиеся пять минут они купят книг на 200–300 евро. Она подошла и вежливо, но настойчиво попросила меня прийти после обеда. Слово *Mahlzeit* свято для австрийцев. Оно означает “Приятного аппетита!” или знаменует просто время приёма пищи. Выйдя тогда из книжного магазина, я обратил внимание на австрийский государственный флаг с гербом, изображающим орла. Мне бросилось в глаза, что в одном из когтей орла был серп, а в другом молот. . .

Я заканчивал работу в пять часов вечера, и у меня оставался лишь час, чтобы дойти до центра и пройтись по местным лавкам и магазинам. Все магазины закрываются не позже шести часов.

Приверженность австрийцев регламентированному и строго соблюдаемому распорядку дня естественно сочетается с их предельной пунктуальностью. Просто одно удовольствие наблюдать, как надраенный “фольксваген” моей начальницы Ингрид въезжал в ворота гимназии каждую среду ровно без пяти минут четыре. Я как-то спросил её, почему она подъезжает именно без пяти минут. Ответ был банальным: “От двери машины до входа в аудиторию я дохожу за пять минут”. Без пятнадцати девять, каждый будний день, одна за другой, как в игрушечном конструкторе, выстраивались сверкающие “ситроены”, “фольксвагены” и “БМВ” родителей, привозящих детей в гимназию. Но, как ни странно, вас поймут, если вы опоздали по уважительной причине.

Территория Бургенланда стала частью Австрийской республики в 1921 году. До этого, как в период существования Австро-Венгерской монархии, так и после её распада, Бургенланд формально входил в состав Венгрии. А столицей Бургенланда был ныне находящийся в Венгрии город Шопрон. В городах и посёлках Бургенланда явно преобладают элементы венгерской и славянской культуры над всем германо-австрийским.

Однажды, когда я работал в небольшом городке Зигендорф, недалеко от Айзенштадта, мне довелось присутствовать на концерте местной танцевальной группы, исполнявшей хорватский танец *тамборица*. Вокруг лишь изредка можно было слышать немецкую речь, хотя все окружавшие меня люди были гражданами Австрии. После концерта я зашёл в маленький ресторанчик поужинать, и первое, что увидел в меню, был венгерский гуляш; более того, меню было на немецком и венгерском языках.

На стройках и вообще на различных предприятиях Бургенланда работает много венгров и не только в качестве рабочих. Появляется всё больше и больше инженеров и других специалистов из Венгрии. Они славятся своей квалификацией и трудолюбием.

С бургенладским венгром я познакомился у моих знакомых, Генриэтты и Гюнтера Фишеров. Генриэтта и Гюнтер, молодые супруги, почти *яппи*. Нет, им не тридцать, а сорок. По австрийским понятиям сорок лет – это начало жизни, поскольку к этому возрасту среднестатистический австриец хотя и продолжает снимать жильё, но наконец-таки закончил учёбу, завёл детей, а главное – поездил вдоволь по свету! Австрийские *яппи* мало чем отличаются от этой категории людей других европейских стран: они со вкусом одеты, пьют не пиво, а красное вино, а после ужина – кофе, приготовленный на лучших итальянских кофейных машинах, ездят на последних марках “БМВ” и, разумеется, посещают театр и оперу. Вечера и фуршеты служат для обсуждения тем от оперы “Турандот” до последних показателей на NASDAQ или DAX. У Фишеров “штаны в семье” явно носит Генриэтта, которая изредка шипит на Гюнтера. Он же, рослый, полноватый добряк, реагирует на регулярные претензии и шипение однотипными, но остроумными шутками. Две девочки, Надя и Киара, уже в 8 и 10 лет говорящие на английском и итальянском языках, знают своё место. На место их то и дело ставит истинно тирольский темперамент Генриэтты. Зная мой интерес к венгерскому языку, Фишеры однажды пригласили в гости меня и своего самого близкого друга австрийского венгра Золтана, инженера-строителя. Его отец говорил с ним только на венгерском, что помогло ему впоследствии подобрать хорошую команду для своей компании.

– Я нанимаю только венгров, поскольку австрийцы просто не хотят работать, – со знанием дела сказал Золтан. По его мнению, австрийское общест-

во не хочет признать того, что назрела необходимость изменений в социальной системе и в трудовом законодательстве. Золтан очень рад расширению ЕС на восток, но убеждён, что это расширение должно закончиться на границе с Украиной.

– Вы думаете, украинцы будут хуже работать, чем венгры? – спросил я Золтана с притворным недоумением.

– Им будет мешать проблема с мафией очень долго, пожалуй, ещё несколько десятилетий. Они не знают, как честно работать и вести дела без их манеры *цап-царап*, – Золтан покачал головой, – их мафия контролирует проституцию и торговлю наркотиками в Будапеште.

– Неужели среди венгров нет сутенёров и торговцев наркотиками?

– Есть, но они все повязаны с выходцами с востока.

Этот вполне симпатичный венгр явно не испытывал любви к “востоку”, но это его право. Может быть, ему было мало известно об освобождении Венгрии и спасении Будапешта от разрушения советскими солдатами во время Второй мировой войны. Видимо, такова природа человека – мы лучше помним всё плохое, чем хорошее. Хотя следует заметить, что и австрийцы и венгры, в большинстве своём, добро помнят.

Перед моим приездом Габриэла несколько раз писала мне по электронной почте о предстоящем посещении нами выставки в краеведческом музее Бургенланда, посвящённой периоду присутствия советских войск в Восточной Австрии. В день моего приезда мы и отправились в музей.

Смотрительницу музея звали Роза-Мари. На ней был классического вида серый костюм. Её причёска-полька очень хорошо сочеталась с аккуратным, как из камня выточенным, загорелым лицом. Было видно, что её тонкие, но добрые губы привыкли улыбаться. Больше шестидесяти лет ей никак нельзя было дать.

Узнав, что я из России и привёз копию газеты, вышедшей 9 мая 1945 года с портретами советских генералов и Сталина, она с торжественным видом чрезвычайной важности сказала мне, что не возьмёт ни с одного из нас денег за осмотр музея. Более того, она дала мне купоны на посещение различных музеев и исторических выставок Вены и Бургенланда. При этом намекнула, что ей очень хотелось бы сделать копию этой газеты:

– Мало кто сегодня может себе представить то, как мы были рады концу гитлеровской тирании, которая нам ничего, кроме разрухи, голода и увеличения площади кладбищ, не принесла. Наши парни гибли и калечились тысячами под Сталинградом, в Африке и в Норвегии, а за что? Да, тот день 9 мая забыть никак нельзя. Позвольте мне снять копию с этой газеты.

– Я очень рад, что вам эта газета может пригодиться, и поэтому с удовольствием отдаю её вам, – ответил я.

Радости её не было конца. Она пригласила меня на ужин к себе домой и сказала, что её муж, насильно в своё время зачисленный в гитлерюгенд, с удовольствием со мной пообщается. Габриэла, подмигнув мне, сказала:

– Александр, с такими темпами ты станешь почётным гражданином Бургенланда.

Мы шли по залам, в которых можно было увидеть и реконструкцию советского блокпоста, и американский джип “Хаммер”, а также газеты тех лет. На стендах было множество фотографий жителей Бургенланда, воевавших, трудившихся и пытавшихся выжить в то тяжёлое время.

Закончив осмотр музея и договорившись с Розой-Мари о встрече у них дома, мы отправились гулять по центру Айзенштадта. Мы подошли к дворцу Эстерхази, который является одним из немногих дворцов в Австрии, принадлежащих дворянским семьям и сейчас. Девяносто процентов австрийских поместий и дворцов является собственностью государства. Тёпло-жёлтые тона дворца делают центр Айзенштадта вечно уютным, даже в дождь и слякоть. Войдя во внутренний дворик, вы можете сесть и послушать различные произведения Гайдна, творившего и жившего большую часть времени в Айзенштадте, а затем насладиться видом с прудами и плавающими в них белыми лебедями в парке, достопримечательностью которого является беседка *Леопольдинен*.

История древнего мадьярского рода Эстерхази, большая часть предстателей которого проживают ныне за океаном, неразрывно связана с Бургенландом.

На центральной, довольно широкой, пешеходной улице Айзенштадта не бывает скучно ни туристам, ни местным жителям. Удивляет обилие маленьких кафе и кондитерских, а также бутиков и обувных магазинов в таком небольшом городе. Мы зашли в магазин одежды H&M, где работает Верена, подруга Габриэлы. Она была очень недовольна поздними покупателями:

– Их просто невозможно выгнать из магазина. Им всё мало, – с глубоким вздохом пожаловалась Верена.

– Но они же оставляют деньги в вашем магазине, и вам это должно быть выгодно.

– Всех денег не заработаешь (как это по-русски! – А. Г.), а вечером у меня много дел. В половине седьмого я хочу со своим сыном побыть на озере Нойзидль и не думать о работе, мы и так работаем, как пчёлы!

О чистоте Альпийской Республики можно прочитать в любом путеводителе по этой стране. Чистота австрийских городов, на мой взгляд, может сравниться только с чистотой в Швейцарии и Баварии. В центре столицы Бургенланда то тут, то там остроносые, интеллигентного вида владельцы магазинов, в модных очках, с мылом моют и без того чистые витрины, в то время как их работники расслабленно обсуждают с посетителями последние расценки на гостиницы в Анталии. Никто никого не подгоняет, все счастливы и довольны.

Когда проходишь мимо частных домов, нередко встречаешь домохозяйку, подметающую как будто только что вымощенную дорожку, ведущую к входу в дом.

Если бы меня спросили, как в одном предложении описать Австрию, я бы сказал: “Страна, где всё работает”. Если в Германии часто можно встретить неработающий автомат или сломанный телефон, то в Австрии возникает впечатление, что всё только что установлено и протёрто от заводской пыли. Молодых англичан и американцев, приезжающих учиться или работать в эту страну, заранее предупреждают о гораздо более высоких требованиях к чистоте, нежели в англо-саксонских странах.

И вот я в Маттерсбурге, в гостях у Розы-Мари. Этот город знаменит своим замком Форхтенштейн. Величественный, неприступный – он был одним из бастионов защиты от турецкого нашествия. Пленные турки после окончания боёв вырыли глубочайший в мире колодец.

Роза-Мари и её муж Ханнес, как они выражаются, “живут почти в замке”. Их дом самый первый за воротами замка. Раньше их земля принадлежала местному князю. Описывать уют и чистоту их дома настолько же излишне, как и описывать “вылизанность” практически каждого австрийского дома и квартиры. Мы прошли в гостиную и сели в старинные кресла, обшитые скрипящей кожей.

– Не откажитесь от молодого вина из моего местного виноградника, господин учитель, – подмигивая, сказал сухощавый, загорелый Ханнес.

– И вечно, Ханнес, ты со своим вином, я уже поставила кофе, – поспешила объявить Роза-Мари, поспешно надевая накрахмаленный белоснежный фартук с цветастой оторочкой в мадьярском стиле.

На стенах висели цветные и чёрно-белые фотографии огромного семейства Трудль. На фотографиях улыбались симпатичные молодые люди в костюмах, военной форме периодов Первой и Второй мировых войн, а также в национальной одежде. Запах сада смешивался с запахом почти готового кофе, и я знал, что это посещение будет долгим. Один мой знакомый как-то пошутил: “В Бургенланде кофе подают перед едой, чтобы взбодрить вас и чтобы вы подольше посидели”. Ханнес, как и большинство австрийских мужчин, – любитель длинной, обстоятельной беседы. Улыбка как будто не сходила с его доброго лица.

– Розы рассказала мне о вашем щедром подарке – это здорово, что люди смогут увидеть газету наших освободителей. Я ненавидел гитлерюгенд, но альтернатива была одна: попасть в концентрационный лагерь, – Ханнес начал раскуривать трубку.

Ханнес рассказывал об унижении, которому подвергались австрийцы практически во всех структурах Рейха. Гитлер ненавидел Вену, он никогда не любил и Австро-Венгрию в целом, страну, в которой родился. В Первую мировую войну он волонтером завербовался именно в германскую армию.

– В силу нашего сибаритства и расслабленности нам, австрийцам, не удалось вовремя выиграть у Пруссии гегемонию в немецкоязычном мире, – в

этих словах Ханнеса я услышал ностальгические нотки о временах дунайской монархии Габсбургов.

Династия Габсбургов началась с Рудольфа I Габсбурга, жившего в период с 1218-го по 1291 год, коронованного в Ахене, посвятившего себя продолжению традиций Карла Великого. Посредством своей легендарной политики заключения браков Габсбургам удалось овладеть территориями от верхнего Рейна до Галиции и от Праги до Венеции. Год 1866-й был роковым для Австрийской империи: поражение в австро-прусской войне привело к ослаблению влияния Австрии в Европе.

Ханнес считает, что родство судеб Германии и Австрии было predeterminedено в середине VIII века, когда южные и восточные земли нынешней Австрии (в то время славянской Карантании) попали в зависимость от баварских правителей. Этот много повидавший на своём веку человек долго работал в Государственном архиве Австрии, и создавалось впечатление, что мозг его стал компьютером, переполненным различными историческими фактами.

— А когда, по вашему мнению, официально образовалось Австрийское государство?

— Наверное, всё-таки это произошло в 1156 году, когда маркграфство Австрия отделилось от Баварии. Все австрийские земли были объединены при Максимилиане I в конце XV века, а последние бои за Австрию, как за единое, пусть маленькое, но благополучное государство закончились весной 1945 года. Советские войска выгнали нацистов с нашей земли. Англо-американские варвары лишь бомбили австрийские города. Город Винер-Нойштадт был практически полностью стёрт с лица земли. До сих пор неразорвавшиеся авиабомбы, которые находят там, напоминают о той страшной войне. Летом 2003-го недалеко от Зальцбурга взорвалась одна из них. В результате один человек погиб, а один был ранен. И знаете, Александр, я убеждён, что, если бы не «обстрелянные» советские солдаты, западные союзники ринулись бы на Восток. Конечно, до Москвы бы они не дошли, да и вообще далеко не продвинулись, но началась бы новая бойня. Сталин сумел отстоять нашу целостность на Ялтинской конференции, а также остудить пыл югославских боевиков, стремившихся отторгнуть у нас Каринтию, губернатором которой ныне является небезызвестный вам Йорг Хайдер. Черчилль же выступал в конце войны с безумной идеей объединения Австрии, Венгрии и Баварии. Русские этого сделать не позволили.

— На заседании исторического клуба объявляется перерыв! Ужин по-дан! — объявила Роза-Мари.

Этот старый добрый австрийский стол. В насыщенном зелёном и специями говяжьем бульоне плавают клёцки. Пшеничный хлеб или ржаной — не важно, от любого из них вы получите удовольствие. Роза-Мари сама печёт ржаной хлеб с тмином. Запах его, только что испечённого, щеколет в носу, ну а вкус этого хлеба просто не нуждается в комментариях. На второе были свиные отбивные с хреном и молодой картошкой, посыпанной укропом. Ханнес принёс из погреба бутылку вина сорта *Zweigelt*.

После ужина мы выпили по чашечке кофе и продолжили нашу беседу уже с племянником Розы-Мари, Ричардом, сыном австрийского дипломата, работающего в одной из восточноевропейских стран. Этот молодой человек, слишком хорошо знающий себе цену, явно был не по душе Ханнесу, особенно когда тот принялся рассуждать об экономических реформах в различных странах Европы.

— Надо брать пример с России — молодцы, ввели же 13% налог со всех, независимо от доходов, — с энтузиазмом разглагольствовал Рики.

— Видал, как всё просто, — с сарказмом заметил Ханнес, — им только дай власть — они разрушат всё то, что создавал Бруно Крайский, наш самый популярный канцлер.

— Дядя Ханнес, вы всё время идёте на конфронтацию, стоит мне только высказать своё мнение.

— Твое мнение я отлично знаю, поэтому хотя бы не позорься перед нашим российским другом.

Рики ушёл через час, поев своих любимых вареников с вишней и выпив с нами уже третью чашку кофе.

— Он молод, в своё время я тоже был максималистом, — успокоил я Ханнеса и посмотрел на стену, где над всеми фотографиями висели портреты Лены, Альенде и Че Гевары... и канадского премьера Пьера Трюдо.

– Дело не в радикализме или максимализме, всё дело в том, что он так молод, а уже говорит устами “больших денег”. Розы тоже из состоятельной семьи, но она понимает, что Австрия, Германия, Франция, Голландия, Бельгия и Скандинавия – это островки человеческого отношения к людям в этом мире бесконтрольного “дикого” капитализма.

За окном стрекотали цикады, мы тепло попрощались с Ханнесом, и Розы отвезла меня обратно в Айзенштадт. Габриэла и Штефан не спали и с истинно бургенландским гостеприимством уже накрыли стол для вечернего чая. После трёх чашечек кофе чаю не хотелось, и я выпил стакан яблочного сока. Утром надо было ехать в Вену, а через полтора дня уже приступать к работе в Штирии и в Каринтии.

Чисто венский шарм

Для статуса столицы Вена – небольшой город, в нём живет только лишь 1,7 миллиона человек. Существует много мнений: одни говорят, что Вена провинциальна для столицы, другие – что она слишком богемна, третьи, наоборот, настаивают на консервативности этого города. Вена стала столицей Австрии в 1172 году. Этот город видел и осады турок-османов, и шведские войска во времена Тридцатилетней войны; недалеко от Вены происходили важнейшие сражения войны русско-австрийской коалиции с Наполеоном в начале XIX века. В 1938 году в Вену гусиным шагом вошли войска Гитлера, и, наконец, бомбардировки Второй мировой войны принесли городу разрушения, после которых, казалось, он не восстановится, но Вена выжила, она сохранила свой особый шарм. Венцы шутят о том, чем они отличаются от берлинцев, а именно своим отношением к трудностям: “В трудной ситуации венец считает, что всё безнадежно, однако не стоит относиться к происходящему серьезно. Берлинец скажет, что ситуация очень серьезна, но надежда есть...”. Вена – это место, где германский мир соседствует со славянством, тому свидетельствуют телефонные справочники, переполненные чешскими фамилиями, в архитектуре города можно заметить средиземноморское влияние, а эрцгерцог Франц-Фердинанд, впоследствии застреленный в Сараево, вообще считал, что Балканы начинаются в Вене.

Когда гуляешь летом, например, по дворцу *Шёнбрунн*, в западной части Вены, может показаться, что в городе с такими райскими уголками не может быть трагических ситуаций, но они бывают. В списке статистики случаев самоубийства в столицах стран Евросоюза Вена, наряду со Стокгольмом и с Хельсинки, занимает одно из самых первых мест. Так и спрашивается: “Кто бы мог подумать?” И я, наверное, совсем удивлю читателя, если скажу, что большая часть самоубийств, в соответствии с тем же статистическим исследованием, приходится на период Рождества. Но, впрочем, не будем о грустном.

Вы замечали, что города в зависимости от погоды выглядят абсолютно по-разному? Ванкувер, например, в солнечную погоду выглядит как самый красивый город в мире, но в дождь он может нагонять жуткую тоску. А Санкт-Петербург, наоборот, смотрится ещё аристократичнее, когда серые облака плывут по бледно-голубому небу. Кёльн с его знаменитым собором – истинно готический город, когда небо затянуто тучами, но в ясную погоду лично мне он показался городом, вечно готовящимся к знаменитому карнавалу, хотя и был тогда только декабрь. Сибирские равнины осенью с их золотыми рощами при вечернем ясном, но холодном небе заставляют вспомнить А. С. Пушкина с его строками об осенней поре.

У меня создалось впечатление, что чаще всего венское небо в летний полдень нежно-голубое. И если находишься в этот момент недалеко от стоянки фиакров (потомственных венских извозчиков), около Собора св. Стефана (*Штеффль*), то появляется чувство полного умиротворения. Вы не ощутите Вены в полной мере, если не увидите этого собора, центра и символа австрийской столицы. На крыше северной башни красуется почти российский двуглавый орёл. В 1686 году, после победы над турками, с собора сняли символ, изображающий единство папской и императорской власти – солнце и луну: мусульманский полумесяц мерещился венцам даже в луне. Полумесяц они предпочли съесть – так и появилась булочка под названием *рогалик*.

В наше время вокруг собора можно встретить рослых симпатичных молодых людей, одетых в парики и камзолы времён Моцарта. Они рассказывают

туристам о предстоящих спектаклях и музыкальных концертах в столичных театрах. Чаще всего они распродают билеты в знаменитый на весь мир Венский оперный театр. Фиакры же в котелках, горделиво обходящие свои экипажи, курят, зевают и обсуждают приближающиеся выходные. Как-то раз один из “Моцартов” привлёк моё внимание своим каким-то родным, живым блеском в добрых серых глазах. Я спросил его о предстоящих концертах. Он начал бормотать на немецком языке с сильным восточным акцентом про “Волшебную флейту”, и тут я вежливо поинтересовался, откуда он родом?

– Аус дер Украине, – отчеканил он с видом “мы без портков, но в шляпе”. Я сказал ему, что сам из России. Василь, так звали парня, был рад встретить почти земляка и поделиться своим мнением о Вене:

– Я тут під Моцарта роблю. Знайомий попросив підмінити. А так ми зі Львова. Я тобі скажу – Відень (Вена по-українски), то як пригород Львова. Будинки, все як в нас. Люди тільки дивні. Але собор цей мені подобається, такого навіть у Львові немає.

В апреле 1945 года *Штеффль* горел почти неделю. Этот собор был свидетелем многого, в смутные времена он уцелел, а сейчас на одной из его башен развешены плакаты, приветствующие вступление десяти новых государств в ЕС. На одном из них написано: *In jeder Beziehung zählen die Menschen* (“В любых отношениях люди должны быть на первом месте”). Интересно, если заменить букву в слове *zählen* (считать, учитывать) на *a*, то получается слово *zahlen* (платить) и получается не что иное, как: “В любых отношениях платят люди”. Я поделился со своими австрийскими друзьями этим наблюдением, что послужило поводом для саркастичных оценок и высказывания ими недовольства по поводу вступления в ЕС новых членов. Курт, коренной венец и водитель туристического автобуса, заметил:

– То ли ещё будет. Эта эйфория и у них (у новичков), и у нас, разжиревших и избалованных социальными благами, пройдёт быстро. Лично мне эта затея совсем не нравится.

И сейчас Австрия решительно блокирует какие-либо попытки присоединения Турции к ЕС. Кого хотят австрийцы видеть в Австрии? Ответ очень простой: состоятельных, желательно белых иностранных туристов с надёжной медицинской страховкой, которые оставят деньги и уедут, а дома расскажут о том, в какой чудной стране они побывали. Неприятие австрийцами иностранцев из бедных, а также “экзотических” в культурном плане стран обуславливается, на мой взгляд, тремя основными факторами: небольшими размерами страны, высоким уровнем жизни, безупречной социальной системой для самих австрийцев и, наконец, историей многочисленных нападений на эту землю.

С турками у австрийцев свои счёты... Османы пытались взять Вену дважды: в 1529 и в 1683 годах. В 1683 году осада длилась несколько месяцев. Вена во многом обязана польскому князю Яну Собесскому, который 12 сентября 1683 года разгромил османов. Собесский способствовал открытию в Вене кофейен, поскольку турки после себя оставили огромные запасы кофе. Поэтому не было бы турков и поляка Собесского, не прославилась бы, вероятно, Вена своим кофе и... рогаликами. Но, тем не менее, венцы желают видеть у себя шведов, которые в период Тридцатилетней войны не оставили после себя никаких гастрономических изысков.

Итак, кофе! Без него Вена не Вена! В столице Австрии много кофейен, но, на мой взгляд, каждый любитель кофе и выпечки должен посетить кофейню “Хавелка”, расположенную на Доротеагассе, совсем недалеко от *Штеффля*. Зайдите туда утром в субботу, часов в восемь. Попытайтесь выбрать солнечное и прохладное осеннее утро, и вы испытаете истинное наслаждение, зайдя внутрь “Хавелки” и вдохнув тёплую смесь марципана, кофейных бобов и корицы. Затем, заняв место у окна и заказав, например, кусочек шоколадного торта *Захер* и чашечку *Меланжа*, посмотрите, каким тёмно-медным блеском отдаёт многовековая мостовая. В “Хавелке” встречались, думали и даже творили Зигмунд Фрейд, Франц Кафка и Густав Климт.

Однажды я зашёл в “Хавелку” ранним, очень холодным декабрьским утром, и официант с улыбкой спросил меня с сильным венским акцентом:

– Желаете ли вы к кофе стаканчик воды?

– А как же без воды?! – ответил я.

– Да, это истинно по-венски. Как бы ни было холодно, но к венскому кофе просто обязательно полагается стаканчик почти холодной воды.

Венская вода просто вкусная. Она доставляется с гор по трубе из юго-западной части Австрии. В Вене не встретишь квартиры или дома с фильтром для очистки воды – это неплохо для столицы.

Любому посетителю австрийской столицы я бы посоветовал пройти пешком от самого центра, то есть из первого *бецирка* (Bezirk – административное деление Вены) до Южного вокзала (*Südbahnhof*). Вена разбита на 24 *бецирка*, причём лучшими для жизни и самыми дорогими считаются 13, 19 и 1.

На Шварценбергплатц стоит величественный памятник советским воинам, освободившим Вену от фашистов. Это памятник тем, благодаря кому сейчас можно пить кофе в “Хавелке” с уверенностью в завтрашнем дне. От Шварценбергплатц недалеко и до дворца Бельведер.

Дворец Бельведер, летняя резиденция военачальника принца Евгения Савойского (1663–1736), по-моему, не случайно расположен в южной части Вены. Это поистине южный дворец. Купола Верхнего Бельведера выполнены в восточном округлом стиле, а парк с пальмами и яркими цветами создаёт ощущение, что вы гуляете по территории дворца где-нибудь на французской Ривьере. Тевтонский, нордический дух в Вене растворяется – здесь набирают силу южные ветра... В настоящее время в Верхнем Бельведере располагается Австрийская галерея. В Нижнем Бельведере находится музей барокко, а также музей средневекового искусства.

В Вене много памятников полководцам, правителям, но если бы меня попросили назвать самый важный из них для самих австрийцев, то я бы указал на памятник самой любимой и почитаемой правительницы Австрии Марии-Терезии. Она правила во второй половине XVIII века. У неё было 16 детей, поэтому её часто называют матерью всей Австрии. Памятник Марии-Терезии расположен между музеями естественной истории и истории искусства. Место для памятника выбрано не случайно, ведь она была известна своей просветительской деятельностью.

В нескольких остановках от Южного вокзала, если ехать в сторону Вильгельм-Кресс-Платц на автобусе 69А, находится музей военной истории, под названием Арсенал. Безусловно, в нём масса экспозиций, посвящённых войнам с турками, европейской Тридцатилетней войне, войнам с Наполеоном и с Пруссией, но всё же именно период 1914–1918 годов в Арсенале представлен наиболее выразительно. Если австрийцы стыдятся участия в гитлеровской военной кампании, то к Первой мировой войне они, по большей части, относятся со смесью патриотизма и сентиментальности. Когда смотришь на тексты присяги австро-венгерской армии, отпечатанные на немецком, венгерском, итальянском и нескольких славянских языках (включая украинский), осознаёшь, насколько многоликой была Австро-Венгрия. И не все там враждебно относились к России. Так, убитый террористом эрцгерцог Франц Фердинанд был большим другом славян и активным противником войны с Россией.

Идя от Марияхильфштрассе в сторону Хофбурга, я заметил русского парня, который рисовал портрет генерала Брусилова. Рядом стоял австриец, наблюдавший за рисованием. Австриец захотел узнать о том, кого рисует художник.

– Скажите ему, что это тот, кто их разбил, – ответил с иронией русский художник.

Я посмотрел на портрет Брусилова, и вдруг мне пришло в голову, что этот генерал был очень похож на австрийского генерала периода Первой мировой войны, фон Гетсендорфа.

“И зачем было воевать, когда мы так похожи?” – подумал я. Я согласен, мой наивный вопрос не выдерживает критики, но всё-таки... Неизвестно, что бы было, если бы в июле 1914 года не прогремел выстрел в Сараево. Да и “Аврора” тогда, может быть, не выстрелила бы. Но если бы не было революции в России, жили бы австрийцы так комфортно сейчас?

Второй мировой войне посвящена экспозиция Арсенала, начинающаяся с известного *Аншлюса* (присоединения). 12 марта 1938 года германские войска вступили на территорию Австрии. Этому предшествовало многое. При всей моей любви к Австрии, её людям и традициям, следует указать на тот факт, что подавляющее большинство австрийцев были не против присоединения к нацистской Германии. О том, что австрийские мужчины будут погибать на российских просторах через три года после воссоединения двух германских государств, мало кто догадывался. Безработица и экономический кризис в

Австрии были ещё более тяжёлыми, чем в Веймарской республике. Зная о феноменальных успехах германской экономики при Гитлере, австрийцы ждали автобанов, рабочих мест, сытости и надёжности. О цене всего этого никто не задумывался. Мой хороший знакомый Роберт, профессор истории из Вены, сказал, что правительства Австрийской республики с 1918-го до 1938-го всё сделали для вторжения германских войск:

– Они вели антинародную, авторитарную политику, а когда народ начал бунтовать, привлекали полицию и армию для расправы над голодными и обездоленными. Но надо помнить и вот ещё что: сразу после распада Австро-Венгрии, в 1918 году, в большинстве германо-австрийских земель было проведено голосование. Большая часть австрийцев была за воссоединение с родственным более мощным соседом. Но договор, подписанный в 1919 году между странами-победительницами и поверженными государствами, запретил воссоединение двух германских государств.

Тут я бы провёл аналогию с распадом СССР после поражения в “холодной войне”. Многим ли на Западе пришлось бы по душе воссоединение трёх славянских государств? Принцип “разделяй и властвуй”, пожалуй, самый старый в мировой политике.

Хофбург – резиденция Габсбургов вплоть до 1918 года – совершенно справедливо может считаться примером имперской архитектуры. Когда проходишь по *Хофбургу*, создаётся впечатление, что здесь в данный момент все люди, кроме гордых фиакров в котелках, – просто гости из будущего. Самым величественным зданием *Хофбурга* я бы назвал имперскую библиотеку, стоящую полукругом. Попасть в читальный зал или зарегистрироваться в ней – процесс, в лучших традициях Австрии, очень бюрократический и долгий. Напротив библиотеки расположены уже упомянутые музеи естественной истории и Истории искусства, а если идти от них, то вы придёте прямо к парламенту. Этому светлому зданию в классическом греческом стиле особый шарм придаёт красно-бело-красный флаг с орлом на фоне синего неба. Ратуша и *Воитифскирхе*, построенные так же, как и *Штеффль*, в готическом стиле, находящиеся между *Фолькстеатром* (Народным театром) и парламентом, придают ощущение некоторой “строгой заострённости” городу, всё равно находящемуся под большим влиянием округло-витиеватого барокко.

Шёнбрунн, в прошлом летняя резиденция кайзера Франца Йозефа, – это комплекс, состоящий из дворца, окрашенного в тёплые тёмно-жёлтые тона, аналогично дворцу Эстерхази, садов, парков и фонтанов. Аллеи каштанов, особенно утром, могут напомнить о доме киевлянину и одесситу. В этом дворце рождались решения, влиявшие на жизнь в Инсбруке и Лемберге (Львове), в Праге и Сараево и многих других местах великой Дунайской монархии. И в летней резиденции вы снова можете встретить фиакров – они треплют своих лошадей за загривки, подкручивают усы, курят и тихо с венским акцентом посмеиваются над туристами. Просто наслаждение читать или писать в садах *Шёнбрунна*. Вас здесь никто не потревожит, даже огромное количество туристов, посещающих этот парк, растворяется в нём, как кубики сахара, брошенные в кипяток.

Даже летом можно воспользоваться кратковременным похолоданием и сходить в сауну. И молодые, и пожилые австрийцы любят это заведение. В парилке венцы жалуются на жизнь, открыто сетуют на большой приток беженцев и иностранцев и обсуждают игроков “Рапида” (австрийская футбольная команда). На каждого заходящего в парилку смотрят несколько вопрошительно: ну и долго ли он (она) выдержит? Люди обоих полов заходят сюда в стиле *a la Адам и Ева*. Права приходят с ответственностью... Воспитанным на пуританских ценностях американцам и англичанам это претит, а русским даже нравится. На эту тему есть масса весёлых историй. Преступлений на сексуальной почве в Центральной Европе несравнимо меньше, чем в Америке и Великобритании.

В Австрии, в отличие от Северной Америки, где на улице даже за баночку пива могут просто арестовать, хоть бутылку шнапса на улице открывай, но делающий это будет явно не австриец. И единственные пьяные в Вене, которых я увидел одним жарким июльским вечером, были молодые американские ребята, которые наконец-то не должны были прятать пиво в бумажные пакеты.

Выйдя из бани, набравшись здоровья, осознаёшь, что с Веной никогда не хочется расставаться, вне зависимости от того, как далеко от неё собрал-

ся ехать. Это город, который я для профилактики душевного и физического состояния советую посетить каждому туристу, приезжающему в Европу. И уже абсолютно точно, тот, кто не побывал в Вене, Австрии не увидел.

Австрийская идиллия и российская действительность

Из Вены солнечным июльским вечером я выехал на недельный семинар в Нижнюю Австрию, в маленький городок Айхграбен. Там мы жили в доме с видом на монастырь, расположенный на холмах, частично окружённый дубовой рощей. Если встать на самый высокий холм в окрестностях Айхграбена, можно часами наслаждаться этой идиллией. То тут, то там видны фруктовые сады и виноградники, мирно колышется трава на лугу, неторопливо по дороге ползёт трактор, а потом вдруг останавливается, и крестьянин начинает, умеренно жестикулируя, о чём-то говорить с проходящей мимо знакомой супружеской четой. Куда им торопиться: прекрасная пенсия, щедрые государственные субсидии для фермеров. В местных дубовых лесах водятся полосатые кабаны, которые стаями бегают в поисках желудей и абсолютно не боятся человека. Они наслаждаются жизнью, и показались мне даже какими-то вежливыми – никогда не перебегут дорогу, не остановившись перед пешеходной тропинкой. Рощи, самые небольшие, здесь насыщены жизнью. Когда я захожу в леса Австрии, мне почему-то кажется, что все животные и птицы так и хотят вас поприветствовать.

Я так долго любовался местными красотами, что забыл об очень ограниченных часах работы австрийских магазинов и побежал за продуктами. Была суббота, без пятнадцати двенадцать дня, и продавщицы уже собирались уходить до понедельника.

– Быстрее, быстрее, – добродушно, но с некоторым укором говорила одна из них.

– Они всё время ждут закрытия и под конец приходят, – вторила ей вторая.

– Закрытия не ждал, просто забыл о том, как рано вы закрываетесь, – с иронией сказал я.

– Я думаю, вы забыли о том, что мы тоже имеем право на выходные, – сказала загорелая и поджарая продавщица с накрашенными красным лаком ногтями ног и рук, в тапочках с пробковой подошвой *Birkenstock* за 100 евро.

– Святое! – согласился я.

Никогда не забуду, как женщина-оптик в магазине *Хартлауэр* заметила, что все австрийцы, которые хотели зарабатывать деньги, давно уехали за океан. А что бы делали австрийские продавцы, живи они в “демократической, рыночной” России, где с утра и часов до девяти вечера, а то и в ночь они за копейки и без всякой уверенности в пенсионных вкладах и завтрашнем дне должны были бы сидеть за кассой?

Читая воспоминания Глинки, известного славянофила и офицера времён войны с Наполеоном, поражаешься тому, что темп жизни небольших австрийских городков остался тем же, что и 200 лет назад. Глинка писал, что в городке Мельк, известном своим величественным монастырём, люди умеют радоваться жизни и часами сидеть за бокалом вина. Мельк находится рядом со столицей Нижней Австрии, Ст. Пёльтеном, тоже очень умиротворённым городом, в котором, как мне показалось, все хотят пригласить вас распробовать белого вина урожаяев разных лет. Но они побаиваются людей с востока, тоже любящих вино, а ещё больше напитки покрепче, стремящихся взять от жизни всё, что она предлагает. И, наверное, не случайно “беспечные” австрийцы серьёзно задумываются над тем, стоит ли так широко открывать двери на восток. Ведь им хочется сохранить такие идиллические места, как Айхграбен, для богатых туристов. Я не случайно поставил слово “беспечные” в кавычки. Австрийцы очень чутко реагируют на вопросы о своей собственности, а также по поводу приезжающих в их регион иммигрантов или беженцев. Я никогда не забуду разговор между моим знакомым англичанином и нашими общими друзьями из Айхграбена, пригласившими нас в гости.

– Какое всё же чудное место Нижняя Австрия, я вообще подумываю в будущем сюда переехать, – сказал Дэвид.

– Но в Англии тоже масса красивых мест, – с улыбкой, мягко, но с намёком заметил Петер, наш знакомый, нарезая сыр.

Австрийцы с иностранцами готовы идиллией делиться только временно, даже с англичанами. . .

Земля Штирия, ставшая самостоятельным герцогством в 1180 году, считается краем грибов (в основном лисичек, *Eierschwämme*) и тыквенного масла. Я бы к этому ещё добавил – это самая большая и самая австрийская из всех земель страны. В Штирии можно встретить все ландшафты, встречающиеся в Австрии. Здесь и высокогорный и всегда немного прохладный Шладминг, и лесной Мюрццушлаг, на реке Мур, где Брамс написал свою Четвёртую симфонию. Наконец, на самом юге Штирии можно насладиться почти средиземноморским климатом Ляйбница и Бад Радкесбурга. В какой бы из этих городов вы ни приехали, вам везде предложат блюда из лисичек, а в салат капнут тыквенного масла. Вообще вкусовые качества местных блюд усиливаются из-за гостеприимства штирийцев.

Так получилось, что в Штирии я проработал в общей сложности три месяца, за время которых мне удалось по-настоящему насладиться этим уютным уголком Европы. В Шладминге я работал два года назад, и сейчас, приехав в этот городок на недельный семинар, как и раньше, я вновь поразился непосредственностью местных жителей. Идя по улицам Шладминга, то и дело невольно отвечаешь на приветствия прохожих, в любое время года одетых в дорогие свитера и грубошерстные пиджаки с костяными или кожаными пуговицами под названием *Lodenjake*. Если вы пойдёте в сторону центра городка мимо ратуши, прячущейся в тени мощных деревьев, вам откроется мир дорогих бутиков. Цены здесь ниже швейцарских или московских, и это при зарплатах во много раз более высоких, чем в нашей стране.

За время работы учителем в нескольких школах Тироля, а затем и в гимназии Шладминга я убедился в том, что дети в альпийских городках Австрии, как правило, несколько более расслабленные и даже шкодливые, нежели на востоке и юго-востоке страны. Я задал вопрос о причине этого директору местной гимназии.

Господин Вайгль сказал мне, что моё наблюдение очень точно:

– Всё дело в том, что практически у всех владельцев домов, в том же Шладминге, круглый год живут постояльцы. Родители заняты работой, бизнесом и уходом за туристами. Дети же часто предоставлены сами себе, а то и в прямом смысле воспитываются постояльцами.

Местные дети, по словам господина Вайгля, в основном мечтают о карьере лыжных инструкторов или проводников в горах. Редко когда в этих местах встретишь академически ориентированных подростков.

Несмотря на требования депутатов австрийского парламента отнять у Арни (прозвище Арнольда Шварценеггера) его австрийское гражданство, в самом дорогом магазине горного снаряжения в Шладминге по всем стенам расклеены фото, на которых изображён “вечный Терминатор” с продавцами магазина. Походно-лыжное население горной части Австрии очень мало интересуется политикой. Пока к ним приезжают состоятельные туристы, оставляют деньги в их магазинах, гостиницах, пансионатах и ресторанах, а их городки пока не заполнили беженцы из бедных стран, им всё равно, кто, где и как высказался по поводу прав человека, абортот или войны в Ираке. Ну а уж если сам Арни решил у них купить горные ботинки на все сезоны, так пусть он хоть сто смертных приговоров подпишет, они будут ему рады.

Совсем недалеко от Шладминга, в Айгене-ин-Энстале, совсем крохотном городишке с изумрудными лугами, у меня возникло ощущение, что эта сказочная природа расслабляет, местный свежий воздух опьяняет, особенно утром и вечером, но в то же время в этом окружении чувствуется прилив сил и мыслей. Горная природа вдохновляла многих писателей и художников. Природная красота запада Штирии подчёркнута безукоризненной чистотой.

Здесь, среди альпийских красот, я вспомнил слова одного известного российского режиссёра, когда он давал интервью в одном из швейцарских курортных городков:

– Вот смотрю я вокруг на эти луга, на эту чистоту и порядок. Но ведь нам этого не надо, это ведь для нас очень мелко. Мы мыслим и живём шире. . .

А может быть, именно массовое появление в России таких уютных, пригодных для нормальной, здоровой жизни городков и помогло бы поднять российскую глубинку и преобразовать лик России?

А пока наша реальность малообнадеживающая. Квадратный метр новой квартиры (нередко сомнительного качества) в средней полосе России стоит

не менее 26 тысяч рублей. “Влезть в ипотеку” по официальным доходам может не более 20 процентов населения страны, тогда как в Австрии и Германии ипотека – это обычное дело. Никто, за исключением процентов пяти всего населения, не в состоянии сразу выложить всю сумму за дом или квартиру. Ну а уж платить деньги за жильё, пока дом не сдан – это для европейца уже просто “русский экстрим”.

Как российскому парню устроиться, как найти себя, если профессионально-техническое образование разрушено практически полностью, а вузы становятся менее и менее доступными. Вот и идут после армии ребята в охрану, такси и прочий “сервис”, а девушки размещают свои фото на сайтах невест для неудачников из стран Запада. При этом они не догадываются, что галантные герры, мистеры и месье не горят желанием одаривать их золотом и мехами. Для рачительного бюргера, каким бы он ни был богатым, разумно и допустимо потратить деньги либо на новую машину, либо на дорогую поездку, либо на золото. Ну не тянут они всё сразу. А одновременно одарить даму сердца золотом, мехами и поездкой на Ривьеру может только горячий русский парень, “срубивший бабок” и не особо думающий о завтрашнем дне.

Вузы России переводят по американскому образцу на двухступенчатую систему, опять-таки в угоду Западу, другими словами, чтобы выпускникам было затем проще устроиться на Западе. Нельзя, конечно, сказать, что переход на эту систему происходит только в России и только в России вызывает массу дискуссий. В Германии имеет место аналогичный процесс, с одной только разницей: в России всё делается грубее, а главное: доходы студентов и их семей и их способность “потянуть” или “не потянуть” мало кого из российских чиновников интересуют. Молодым людям нужны десятки тысяч рублей для оплаты учёбы.

Я никогда не забуду, как запротестовали немецкие студенты из-за введения в земле Баден-Вюртемберг платы за семестр в размере 593.60 евро (20458.50 руб.). Американский студент, приехавший в Гейдельбергский университет на семестр, не понимал, что к чему, когда вечером площадь заполнили студенты и начали акцию протеста:

– Лучше бы учились в это время, а они бьют в барабаны. Они должны платить копейки по сравнению с нами! Ну не съездят они на каникулах в Грецию или в Хорватию, ничего с ними не случится – зато будут образование больше ценить. Мы по сравнению с европейцами никуда не ездим, работаем на двух-трёх работах. Нам приходится платить десятки тысяч долларов за учёбу, мы погрязаем в долгах, но не стонем.

Действительно, степень жизненного комфорта и количество бесплатных высококачественных услуг в Германии и Австрии до сих пор поражают не только россиян, но и англичан и американцев.

Послужить положенные законом полгода в австрийской армии – не сказать, чтобы было престижно, просто этот отрезок жизненного пути рассматривается молодыми людьми как военно-спортивный отдых от школы. Немецкие и австрийские офицеры похожи на научных сотрудников, серьёзно занимающихся спортом. Вечерами солдаты спокойно попивают любимый “Гёссер”, если они, конечно, не провинились в течение дня. Каждые выходные австрийский солдат-срочник проводит дома. Здесь ни от кого не требуют “быть или становиться мужчиной”. Те, кому это надо, прекрасно справятся с этой задачей, причём без напоминаний, драк и унижений. С австрийским спецназом и горными спасателями даже сегодня мало кто сравнится не только в Европе, но и в мире. Традиции “горных стрелков” живы и поныне. Это настоящие профессионалы. Попасть на учёбу по специализации “спасатель” хотят практически все австрийские ребята из альпийских районов. Но попадают туда единицы.

Так же, как Пётр Великий резал залитые гусиным жиром рукава боярских кафтанов и нечесаные бороды, так и в наше время в российской армии можно вырезать “дедовщину”. Для этого офицерам надо, с одной стороны, очень существенно поднять жалование, но с другой стороны, – сократить офицерский состав, требовать с оставшихся в армии профессиональных военных полной отдачи. Создать достойные условия службы и жизни для военных абсолютно точно мог бы помочь именно пресловутый Стабилизационный фонд.

В то же время наёмная армия – это не выход для России. Деятели из СПС навязывают россиянам мысли о профессиональной армии, поскольку они

рассматривают солдат, как охранников (security) для нефтяных компаний. В России военная служба, как и в германских странах, всегда была традицией.

В Чехии и Венгрии больше нет призывной системы. А почему? Ответ очевиден: Америке и НАТО для очередных авантюр от этих стран нужны лишь наёмники.

Главным национальным проектом в России должно стать воспитание уважения россиян к россиянам. Один умный американец в далёком 1992 году сказал мне: “*Russians should start respecting and loving other Russians*”. Я думаю, эта фраза в переводе не нуждается. Вспоминается мне, как перед приездом важной персоны в Академгородок стражи порядка разгоняли торговцев на Морском проспекте.

– Я кому сказал, резвее двигайтесь, – проревел дюжий милиционер старикам, торговавшим свёклой и картошкой.

Люди, боясь последствий, спешно начали собираться. Такова вся суть отношений россиян с властью. Высшие чиновники, люди с устойчиво высоким положением, иностранцы из благополучных стран “золотого миллиарда” охраняются от безобидных, простых людей.

В России очень выгодно быть американцем или западным европейцем – для них здесь созданы все условия, а главное – подобоострастное преклонение. Пусть не к американцам, мода на которых прошла (выдохлась жвачка), но европейца побояться и пальцем тронуть. На ум приходит произошедшая в апреле прошлого года “дипломатическая потасовка”. Клерк немецкого консульства в Новосибирске без причины побил русского парня, находясь с ним в одной компании. Парень не был уверен, что российский закон будет на его стороне, если он, в свою очередь, побьёт немца, поэтому активно не оборонялся. Но ещё страшнее то, что многие российские граждане в этом конфликте заняли сторону немецкого клерка. Я сам был сильно этим удивлён, прочитав комментарии в интернете. В результате дело на этого “немецкого обидчика” было приостановлено, ну как же – дипломатическая неприкосновенность! Зато сколько проблем в 2004 году доставили российскому посольству в Канаде канадские власти, когда российские дипломаты наловили больше рыбы, чем было положено: 56 рыбин вместо 10! Россиян оштрафовали без всяких разговоров.

С пренебрежительным отношением к своей личности россиянин в царское, советское и постсоветское времена сталкивался и сталкивается повсеместно. Как только русскому крестьянину удавалось расправить плечи – тут же его начинали унижать, раскулачивать, уничтожать его сбережения и добро всевозможными реформами. Немецкий рабочий уже в кайзеровской Германии мог рассчитывать на пенсию, на медобслуживание, его детям до 16 лет полагалось посещать школу. У российского же рабочего действительно, кроме цепей, ничего не было до революции, но нет и сейчас. ПТУ уничтожили, вымирают мастера своего дела. Российскому рабочему трудно достойно заработать своими навыками. К профессии учителя и врача только что не насмешливое отношение – мол, кто за копейки работать будет. И что усвоит российский ученик от учителя, раздражённого на свой нищенский заработок, что он напишет в своей общей тетради с обложкой, прославляющей *US Army and Navy*?

Совсем недавно я разговаривал с одной знакомой, историком по образованию, о том, почему бы России не взять на вооружение опыт западноевропейских стран или Канады (так называемых “социальных государств”) при проведении реформ в армии, жилищно-коммунальной сфере, при восстановлении инфраструктуры и здравоохранения. Она сильно удивила меня своим ответом:

– Попытка сделать Австрию или Бельгию из России, может, и принесёт какую-то степень комфорта россиянам, но и окончательно убьёт русскую душу!..

– Но ведь государство не может считаться цивилизованным, если в нём могут выжить только сильные. Самый слабый в цивилизованном государстве является самым его важным гражданином – это сказал не я, это говорил Улоф Пальме.

– Всё это для западноевропейского потребления. В России пока не созданы условия для достойной жизни слабых граждан. Нам надо пройти ещё очень большой путь, чтобы у нас уважали и ценили всех членов общества...

Другими словами, предлагается снова “потерпеть”...

Да, Запад жесток, чего стоит одна инквизиция или крестовые походы, как средневековые, так и современные, на Белград и Багдад. Но бессмысленные проявления жестокости российских властей к простым россиянам на протяжении всей прежней истории России просто потрясают.

А что сейчас? – Вырастают элитные дома, разбитые дороги России заполняют новейшие иномарки, но количество беспризорников и нищих неуклонно растёт. Всё чаще и чаще слышно от окружающих о том, что “русский работник ленивый и никчёмный” или что “без дедовщины с русским солдатом нельзя”. При этом, как правило, те же люди любят песни типа “Почему так в России берёзы шумят” или “Москва, звонят колокола”. Откуда такое противоречие? Что случилось с населением страны, давшей миру Достоевского с его размышлениями о совести? А может, Даллесу и его “подельникам” удалось разложить и уничтожить “самый непокорный в мире народ”? Очень не хочется в это верить.

Пора прекратить самоуничижительные и неумные рассуждения о том, что “ну это у них там порядок в крови, а у нас вообще...”, и без палки, “дяди” и постоянных упрёков в адрес правительства начать даже элементарно убирать за собой и учиться жить в обществе, а главное при этом, в первую очередь, уважая своих граждан, свою землю, своё государство... Ведь уму непостижимо то, во что превратились берега наших водоёмов, я уже не говорю про улицы. Европейцы и американцы могут устроить бардак на средиземноморском курорте, но дома они чтят свои правила и законы.

Наши граждане правила не любят ни дома, ни за границей. Однажды в Шпайре (город на Рейне в Рейнланд-Пфальце) я сидел на площади и наслаждался потрясающим тёплым октябрьским днём. Даже в центре города было так тихо, что было слышно падающие листья. И вдруг на площадь, как ордынский всадник, ворвался “БМВ” с включённой на всю катушку песней “А у реки, а у реки, а у реки...”. Когда эта песня сменилась на “Пусть тебе приснятся пальмы Де Майорка”, вдруг появилась полицейская машина, и из неё, как кузнечики, в своих зелёно-жёлтых формах повыпрыгивали полицейские, музыка затихла, а из “БМВ” вылезли два любителя вольной жизни, которых местные стражи порядка терзали около получаса. Сидящие вокруг немцы были довольны, одним словом, как у Маяковского: “Моя милиция меня бережёт”. Я вполне понимаю раздражение вольных славян и российских немцев, сталкивающихся с многочисленными ограничениями, законами и правилами, но тут же напомнил бы им об исписанных российских подъездах, лифтах с выжженными кнопками, а также о бессилии соседей, когда в час ночи врубают музыку в панельном доме.

Общаясь с людьми в германских странах, завидую их отношению к своим согражданам, своим солдатам, своим детям, своим туристам. Скандал в Германии в октябре 2006 года, когда были найдены фото, на которых бундесверовцы позировали с “останками афганцев”, вызвал бурю искреннего негодования только у небольшой части интеллигенции, неискреннего и явно показного негодования в Бундестаге, а большая часть населения вообще не поняла, что к чему. По мнению среднестатистического немца, ребята находились вдали от дома, в условиях пустыни и вполне могли вести себя не совсем адекватно. А в России судят офицера Ульмана. Честного российского немца, не покинувшего Родину и защищавшего её, пытаются посадить за то, что он выполнял приказ.

Канадский пограничник как-то сказал мне в разговоре совершенно открыто, что у него подход к гражданам Канады и жителям из третьих стран с эмигрантской визой изначально различный. С гражданами надо соблюдать “все эти формальности по правам человека”. А ведь Канада – страна эмигрантов, но всё равно предпочтение отдаётся именно своим гражданам.

Когда вы позвоните в немецкое консульство в Канаде, вас вначале обдаст холодком на английском языке голос служащего этого учреждения, но если в ответ он услышит немецкую речь, то даже по телефону вы почувствуете расположение к себе. Уважать россиян жители других стран начнут тогда, когда почувствуют взаимное уважение между гражданами в самой России. А пока глупо обижаться на эстонских радикалов и прочих шариковых из ближнего и не очень ближнего зарубежья, когда свои же, отечественные шариковы стремятся снять знак серпа и молота со Знамени Победы. Подобные действия я считаю просто пошлыми.

Горный воздух уносил мои мысли всё дальше и дальше в Россию, в историю нашей великой и многострадальной страны. Вдруг зазвонил сотовый телефон, и мои приятели предложили мне на субботу поехать в столицу Штирии – Грац. Я сразу же согласился. Ведь интересно посмотреть город, который в 2003 году носил статус Культурной столицы Европы.

Благоухающий весной и знойный летом почти балканский город Грац поражает своим гостеприимством и теплотой. Вместе с Айзенштадтом и Веной я бы включил столицу Штирии в тройку австрийских городов, куда при малейшей возможности следует приезжать, чтобы получать отнюдь не повсеместное ощущение радости за нашу планету.

Когда поднимаешься к самому высокому месту в Граце, на гору Шлосберг (высота 470 метров), к известной Часовой башне и смотришь на мощнейшие стены и укрепления, которые строились для защиты от турок-осман, возникает ощущение, что пышная растительность, старина, чистота, комфорт, счастливые люди вокруг и знакомые запахи кофе и марципана – всё это как будто напоминает о вашем присутствии на празднике жизни.

Загорелые от солнца, а не от солярия, круглолицые, но остроносые штирийки в лёгких тапочках и гораздо более изысканной одежде, чем немки, идут либо с колясками, из которых высовываются альпийские крепыши, либо с корзинками со свежими продуктами, из которых они могут приготовить и суп с клёцками, и говядину по-венски, ну и, конечно же, штирийские лисички с картошкой. От одного вида этих продуктов ваш мозг начинает работать в гастрономическом направлении, если вы хоть раз пробовали блюда южноавстрийской кухни.

Детвора беззаботно идёт по улицам, жуя булочки с салями или просто копчёные колбаски *кабаносси*. Дети в Австрии пьют гораздо меньше кока-колы, чем в Германии, они пьют обыкновенную воду. В обед австрийские школьники должны обязательно съесть горячее и притом обязательно за столом. В случае, если родители узнают о нарушении этого правила, их возмущение будет не меньше, чем если бы стало известно о неудовлетворительном преподавании в гимназии. Дети галдят, но ласкающий ухо диалект с переливами гасит децибелы создаваемого ими шума.

Грацу уже почти 900 лет. Несмотря на войны и осады, столица Штирии прекрасно сохранилась, а следы от пушечных ядер на крепостных стенах сегодня даже придают ей некоторый шарм. Если пройти по улицам Граца, то тут, то там можно найти уютные внутренние дворики с чинно бродящими по ним откормленными котами, с домами, окна которых заставлены красиво цветущей геранью.

Идя по романтической улице Хофгассе, вы можете зайти и побаловать себя штирийской выпечкой в знаменитой пекарне Эдеггер-Такс, которая в своё время обслуживала Габсбургов. Можно долго любоваться её резным порталом, в котором, как кажется, запечатлены все добродетели Австрии.

Бурная Мура, по берегам которой встречаешь памятники полководцам и разным знаменитостям, жившим или родившимся в Граце, очень мудро поделила столицу Штирии на две части. Эти памятники мне показались почему-то теплее и домашнее, чем памятники знаменитостям в суровой Германии.

В 2002 году в августе я был в Штирии как раз тогда, когда Мура вышла из берегов. Дожди лили не переставая. Многие районы в Австрии, Чехии, Саксонии и в Баварии стали жертвами наводнений. С каким отчаяньем голосили местные жители! Когда я смотрел репортажи о наводнении в Центральной Европе, мне вспомнился один из репортажей телеканала “Россия” во время наводнений на Лене. Сибирский мужик спокойно курил самокрутку, сидя на ветхой крыше на пару с кошкой. Он спокойно сказал корреспонденту:

– Да выкрутимся как-нибудь.

В Европе про наводнение на Лене можно было узнать только из интернета. Вы спросите, почему Европу должно волновать наводнение на Лене? Да, вы, возможно, правы. Но по свидетельствам моих знакомых, наводнения в Европе, тогда, в 2002 году, показывались по российским каналам с гораздо большей озабоченностью и трагизмом, чем наводнение на Лене.

Идиллия не для всех

Вернувшись из Граца в Айген-ин-Эннсталь, я сразу же поехал в город Книттельфельд в центральной Штирии, где должен был провести серию заня-

тий по техническому переводу с немецкого на английский язык. Книттельфельд во время войны был практически полностью разрушен. Это становится сразу ясно по относительной новизне большинства его зданий. Нас, трёх участников рабочего семинара, с любезными улыбками приняла чета пенсионного возраста, содержащая пансион.

Дом площадью не менее 350 кв. метров поражал своей безупречностью. При его осмотре у меня возникло впечатление, что строили его с полной уверенностью в том, что бомбардировок Книттельфельде больше никогда не будет. По утрам пузатый розовощёкий бюргер Петер, с хитрющими глазами, спускался в столовую и пытался нас развлекать пустыми беседами и рассказами о своей благотворительности, пока мы завтракали. Кроме всего прочего, он пытался выведать о нас как можно больше информации: где родились, кто родители, были ли мы до этого в Австрии или нет. В первое же утро Петер принёс листки прибытия, которые должны сдаваться в полицию. На этой процедуре следует остановиться особо.

Система регистрации в Германии и Австрии – это целая эпопея. Я даже не буду касаться граждан некоторых стран, например, бывшего СССР (кроме Прибалтики), которым необходимо пройти серию унижений, прежде чем они получат визу любого из государств Западного мира (Германия и Австрия здесь не исключение). Если вам нужна виза, например, в Германию, но вы не гражданин этой страны и приехали в неё учиться или работать, то вам следует прийти в полицию или в *Ordnungsamt* (ОВИР) по месту жительства. Причём медлить с этим не стоит, поскольку в один прекрасный день на пороге вашего пристанища могут появиться двое мужчин-полицейских (это в лучшем случае) или блюстители порядка женского пола, которые значительно суровее и бесцеремоннее, чем мужчины. Не стоит уповать на либеральность полицейских только потому, что у них маленькие серёжки в ушах, а иногда и в носу блестящие крохотные кнопочки. Их либеральность и кажущийся расслабленный инфантилизм предназначены только для общения с коренными жителями своих стран.

Новичка в подъезде или во дворе всегда заметят пенсионеры, которым по причине ещё работающего вовсю производства и щедрой уплаты налогов, нечем заняться. Никому из них и в голову не взбрёт пойти работать вахтёром. Поэтому, если ещё не отметились, хотя бы не врубайте музыку по ночам и не дебоширьте. Накапало с вашей машины масло на асфальт – благообразная старушка запишет номер машины и сообщит куда следует, в 1930-е и 1940-е её сумели натренировать, чтобы она оставалась бдительной до конца своих дней. На вас обратят внимание, в горе вы или в радости. И дай Бог, чтобы это внимание не превратило последнее в первое...

Анкеты для получения регистрации полны вопросов, за которые в идеале в соответствии с пресловутыми “правами человека” чиновников или составителей анкет могли бы просто привлечь к ответственности именно за нарушение этих прав: спрашивается всё, вплоть до религиозной принадлежности, детально выясняется то, где, когда ты жил, где твоя жена, где твои родители. Если вы приехали на короткий срок, представитель принимающей вас стороны сдаёт в полицию или в *Ordnungsamt* листки прибытия, если же вы приехали надолго, то регистрируетесь “по полной”, и вам в паспорт вклеивают вид на жительство. Надо сказать, вклейка эта очень красивая.

Раздав нам листки прибытия, Петер сказал:

– Это делается для вашей же безопасности.

Ну, прямо можно было прослезиться от его заботы! Его ухоженная, правильная, более воспитанная, чем он, жена каждое утро подметала уже вылизанный двор. На второй день нашего пребывания после работы нас пригласили на ужин. Беседы снова носили испытывающий характер со стороны хозяина. Выпытывание, любопытство – ещё одна из характерных черт жителей германских стран. Бюргер в Книттельфельде пытался выяснить мою подноготную и то, где же я так овладел южными диалектами. Штирийское пиво *Zipfer* в этом случае было кстати – оно чуть добавляет чувства усталости, но и снимает раздражение...

В первый же день нашего пребывания в Книттельфельде Петер предложил нам воспользоваться его компьютером для выхода в интернет. Я обрадовался этой возможности, поскольку на работе не было ни одной свободной минуты, а до ближайшего интернет-кафе ноги под конец дня уже не несли.

Причём Петер добавил, что сидеть за его компьютером можно хоть полчаса. Я просидел в сети минут двадцать, но физиономия “мецената” за это время успела изрядно вытянуться и обзолиться.

— Большое вам спасибо за интернет, — ничего не подозревая, сказал я.

— Я щедр, но не люблю, когда этой щедростью злоупотребляют! — резко ответил он. Потом он ещё раз “пропел” о щедрости жителей своего городка и о том, что русские в 1945 году считали за счастье быть размещёнными в голодном и разрушенном Книттельфельде, поскольку их здесь очень радушно принимали. “А кто кого кормил тогда в сорок пятом?” — подумал я. После меня интернетом в этом “гостеприимном” пансионе пользоваться никто не рискнул.

Провожали нас с большой радостью и даже подарили каждому по бутылке вина, которое, по их словам, было самым удачным за последние пять лет. Через неделю я увидел вино этой же марки в продуктовом магазине. Оно стоило... 1 евро.

Петер — тот самый “средний европеец”, о котором нас предупреждает философ Леонтьев¹. Хотя, может быть, именно о таких “образцовых гражданах” с надеждой говорил недавно один крупный российский олигарх: “Я не думаю, что когда средний класс у нас вырастет, он будет восприимчив к терминам *американская угроза* или *ядерный удар*”. Сильно у них с Леонтьевым взгляды расходятся...

Австрийцы часто говорят, что в Германии другой менталитет, у немцев, мол, другой дух: дух действия, стремления, эффективности. Через некоторое время у меня возник вопрос: “А есть ли тогда вообще что-либо общее в поведенческой культуре у жителей германских стран”? Разве что культура бюргерства и избегания риска.

Что касается развития, то можно сказать так: в германских странах тип развития был испокон веков не экстенсивный, как в России, а интенсивный. То есть, прежде чем захватить новый кусок земли, из того, что имеется, надо было сделать конфетку. У немцев и австрийцев, даже при всей их внешней либеральности, на каждом шагу проявляется исступлённое стремление к уверенности в завтрашнем дне и старание не пустить к себе *Ausländer*². В германских странах не существует англосаксонского понятия о *privacy*³. В столовой и кафе при нехватке свободных столиков к вам могут подсесть, и ожидается, что вы не будете против. Вы приходите за информацией по книгам, терминологии или списку литературы к незнакомому профессору, он не просто спросит ваше имя, он его зафиксирует в своей аккуратенькой записной книжечке.

У западных немцев до 1990 года была национальная идея объединения Германии. У Австрии после войны импульс и сама стратегия существования государства основывалась на австрийском нейтралитете, неучастии в различных блоках и в сборе денег с различных международных организаций, базирующихся в Вене. В Германии импульс окончательно выдохся после объеди-

¹ Леонтьев К. Н. Византизм и славянство; Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения; Чем и как либерализм наш вреден?; письма к В. С. Соловьёву // Избр., М., 1993.

² *Ausländer* (нем.) — это не просто безобидный перевод слова “иностранец”. *Ausländer* — это в первую очередь негерманский и не англосаксонский бедный иностранец. Иностранцы в германских странах подразделяются на типы по степени их предпочтительности. Если ты белый западный христианин (желательно северно-европейского происхождения) с пятизначным счётом в банке и приехал тратить деньги в Германии на две недели, ты не увидишь истинного отношения среднего немца к бедному и обездоленному иностранцу, коже которого и солярий не нужен, чтобы стать смуглой. Конечно, исключения есть — в автобусе какой-нибудь хиповато-левый молодой немец может увлечённо обсуждать с негром историю джаза и ужасное положение негров в Америке. Но этот немецкий хиппи пока не боится за рабочее место, пенсию и завтрашний день.

³ *Privacy* (англ.) — важное понятие с точки зрения культуры и жизненной философии в англо-саксонском обществе. Переводится на русский язык как уединение или уединённость, но этот перевод не передаёт глубины значения этого слова. Англо-саксы любят иметь “личное пространство”, вторжение в которое может довести и до суда. Заглянуть через плечо человека, который пишет письмо, допоздна засидеться у знакомых, позвонить не близкому знакомому и застать его за ужином в День Благодарения, быть слишком любопытным о происхождении человека или о его финансовом положении — это далеко не полный табу-список для тех, кто бы хотел достичь чего-либо в странах англо-саксонского мира.

нения, а у Австрии сильно ослаб после вступления в ЕС. Канцелярские “права человека” и экология – это уже европейские ценности.

Следующие две недели мне удалось провести в лесном краю, недалеко от городка Мюрццушлага, в котором я выполнял работу по одному переводческому проекту. По приезде я шёл по улице и увидел дом-музей Брамса. Зашёл в вестибюль, и смотрительница музея сразу же принялась уговаривать меня присоединиться к группе:

– Ну, зайдите, ведь очень интересно, – просила она без тени тевтонской гордости. Вообще, должен сказать, что австрийцы – в массе своей замечательные люди. Это тёплая нация. У них нет присущего северным немцам чувства превосходства. Они не любят эмигрантов, но скорее из-за стремления сохранить свой уют и порядок, а не по причине каких-то расово-биологических предрассудков. Австрийцы музыкальны, у них прекрасный вкус, они любят детей, тогда как для большинства современных немцев дети – это шум и проблемы.

Небольшая усадьба, в которой мне посчастливилось жить в городе Брамса, была похожа на избушку из сказок братьев Гримм. Это был уютный тёмный сруб с альпийской покатой крышей. Причём на фоне тёмного дерева особо ярко смотрелась герань на окнах. Хозяйку звали фрау Хютль. Эта замечательная старушка, в прошлом учительница музыки, сказала, что была неравнодушна к одному из советских офицеров, который до войны преподавал в консерватории:

– Их рота вдруг исчезла. А на смену им пришли другие, тоже приятные люди, но среди них уже не было музыкантов. Зато новый офицер блестяще говорил на трёх языках и рисовал. А мой отец потерял ногу выше колена под Вязьмой. Но он знал, что это всё из-за рождённого в Верхней Австрии маразматика Шикльгрубера, которого следовало вовремя принять в художественное училище.

Её дядя был активистом из коммунистов и прямо с фронта попал в концлагерь. Оттуда возврата не было. Фрау Хютль часто говорила, что её внук, которого называли Сева в честь советского офицера, очень хочет изучать русский.

Австрийские старушки... до чего же это в целом добропорядочные создания! Вот подходит, бывает, на остановку автобуса ухоженная фрау лет семидесяти, одетая в нарядный *Dirndl* (баварское и австрийское национальное летнее платье), и вдруг видит фантик на скамейке. Мимика её лица последовательно проходит все стадии от искреннего недоумения до недовольства и, наконец, понимания, что фантик не первый и не последний.

Я как-то подошёл на остановку в Граце и сел рядом с пожилым голландцем, сетующим на то, что кругом турецкая еда и фаст-фуд, что негде поесть немецкой или австрийской еды. На это молодой парень заметил, что австрийской еды он и у своей бабушки поесть может, а пиццу и *chicken McNuggets* ничто не заменит! Я уверен, что бабушку этого парня возмущает господство пиццы не меньше, чем голландца.

А вот русских фаст-фудом никак, а тем более в Европе, не удивишь. Сегодня некоторые из них даже в дорогих европейских ресторанах оставляют самые щедрые чаевые, особенно в Мюнхене. Они покупают самые дорогие сувениры. Но если глубоко вдуматься – это же антинародная микроэкономика. Никогда не забуду, как под Рождество в центре Граца одна толстая русская дама, вся усыпанная золотом, набрала сувениров на 1500 евро. Потом она добавила своим попутчикам:

– Паразиты, давно бы могли уже русский язык выучить.

Она только тыкала пальцами, а готовые заработать австрийцы носились вокруг, как ошалелые. Таких визитёров они любят, и знания языка от них не требуют, у таких посетителей полицейские и паспорт на вокзале не проверяют. Они потратят деньги и уедут.

Возникает вопрос: а выгодно ли это Европе в долгосрочном плане? Пока Россия и страны бывшего СССР дотируют и субсидируют австрийские, немецкие и даже словенские компании, занимающиеся производством бытовой техники, продуктов питания и лекарств, не следует ожидать кардинальных перемен в отношении российской власти к местному производителю. В немецких магазинах я видел пока из российских товаров только водку “Русский Стандарт”. Нет даже сладостей – а уж “Коркунов” ничем не хуже европейско-

го шоколада. Зато в разных городах Германии и Австрии встречаешь магазины со старинными настоящими позолоченными иконами... Каким образом их удалось вывезти? Ну, тут вопрос к таможене РФ, а точнее, к эффективности чисток, проводимых в её рядах.

Развитие производства в России заставило бы и европейцев пошевелиться. Это могло бы дать своего рода новый импульс Европе.

Героическими усилиями жителей Северной Евразии завоёвывается безбедное и безопасное существование среднего класса и рабочих в Западной Европе, да и вообще в странах Запада. Пока на Россию и Северную Евразию в целом западные европейцы смотрят исключительно как на рынок сбыта и просто на территорию. Им важно, чтобы там жили люди, которые будут готовы покупать всё – от кофемолки *Miele* до самых дорогих “мерседесов”, потеряв голову от большой зарплаты в добывающей отрасли. И если всё тщательно просчитать в реальных цифрах, то ещё не понятно, кто в действительности покупает газ по заниженным ценам: Украина и Белоруссия или же это страны ЕС. Я вот что имею в виду. Китайское барахло традиционно считается низкосортным ширпотребом, как бы кто ни пытался доказать, что “сейчас китайцы уже научились производить качественную продукцию”. А европейская одежда, оборудование и машины – это престиж. На европейские товары россияне с высокими и средними доходами тратят уйму денег. И хотя платят европейцы за газ по мировым ценам, деньги их рабочим всё равно вернутся: не от олигарха, так от пожилого или больного человека из России или Украины, зависящего от продукции “Берлин Хеми”.

Вплоть до 1991 года СССР закупал в Штирии (в небольшом городе Киндберг) стальные трубы для нефтепроводов. И, как сказал один житель Киндберга, “платили русские щедро и всегда вперёд”. И сейчас платят, правда с новой спецификой, не так организованно-ритмично, но платят и платить будут, пока на российских просторах не начнут производить аналогичные трубы, а главное, пока Россия полностью зависит от самой “трубы”.

В Бруке-на-Муре в центральной Штирии я стал свидетелем того, как местный работодатель издевался над одним югославским рабочим, который то тачку не так катил, то цемент не так замешивал и так далее. Увидев меня, сидящего на лавочке, он извинился за шум и начал мерзко улыбаться. Я демонстративно даже не кивнул ему. А по воспоминаниям одного моего друга из Львова, ещё в конце 1980-х годов работавшего в австрийской строительной компании, рабочих, как солдат, каждое утро выстраивали в шеренгу, и обращение с ними не укладывалось в пресловутые понятия о правах человека.

Вы скажете, что я противоречу сам себе – то расхваливал австрийцев, а сейчас ругаю. Да Господь с вами! Австрийцы прекрасные люди, но и с ними нужно себя уметь поставить. Поставишь себя как представитель полуколониальной территории, и будут с тобой соответственно обращаться.

Из города Моцарта – в край озёр

Кто чит и знает Моцарта больше, чем жители Северной Евразии? Этот вопрос пришёл мне как-то в голову, когда один очень приятный американский профессор совершенно серьёзно, с грустью в глазах сказал в разговоре о системах образования в Европе и Северной Америке:

– Для большинства молодых американцев, особенно из центральных и южных штатов, что Моцарт, что доктор Живаго. Дай Бог, если они вообще знают, что и то и другое имя относится к культуре европейского континента. Не судите о тех счастливицах из США, которых вы встречаете в европейских университетах. Англосаксонский, атлантический мир рассматривает классическую европейскую культуру как нечто, что должно быть доступно исключительно для избранных. Доходит до того, что при любом удобном случае нам напоминают о том, что Лора Буш, жена Джорджа-младшего, читала Достоевского.

Но даже сильные мира сего, мягко говоря, разочаровывают иногда жителей континентальной Европы. Как мне рассказал один англичанин, который преподаёт в университете Гейдельберга, когда английская королева приехала в Германию и её спросили, что бы она хотела в первую очередь посмотреть, она с ходу заявила, что ей не терпится посмотреть Марбах. В Баден-Вюртемберге есть два Марбаха. Причём в одном из них располагается конный завод,

а в другом – государственный музей Шиллера. Немцы, только услышав слово “Марбах”, уже были в восторге от культуры королевы. И какой из Марбахов, вы думаете, она хотела посмотреть – “коннозаводский”...

Очень не хочется думать о закате Серебряного века, когда идёшь по прекрасному Зальцбургу и понимаешь, что здесь творил великий Моцарт. То и дело физиономия Гарри Поттера на ранце и носочках у мимо идущего школьника или “герои рэпа” с растопыренными пальцами, мутными глазами смотрящие на прохожих с городских афиш, напоминают о вытеснении духа “Волшебной флейты”. Надежду на сохранение классической культуры Европы вселяют имена музыкантов и оперных певцов, среди которых, кстати, то и дело видишь имена исполнителей из России: Анны Нетребко, Дмитрия Хворостовского и многих других. И это приятно, это вселяет надежду, это говорит о том, что свой импульс Россия ещё не потеряла.

Я очень люблю Вену и вообще все города Австрии, в которых мне посчастливилось пожить или которые смог посетить. Но считаю, что с точки зрения эстетики – Зальцбург самый свежий город, может быть, поэтому и самый дорогой в Австрии. Замок на горе кажется миниатюрным, стоя на мосту через реку Зальцах, поражаешься какой-то собранности города, создаётся впечатление, что его мыли и освежали в течение месяца до вашего приезда. Особенно это ощущение свежести усиливается, если раскрыть окна утром после грозы. На ещё мокрой и полируемой лучами солнца мостовой, почти как в озере, отражаются силуэты элегантных домов. Улица наполняется запахом ароматных булочек, а разносчик газет успевает о чём-то переговорить на ходу с двумя рабочими, которые неторопливо и размеренно начинают свой день.

Из Зальцбурга путь мой лежал в направлении Клагенfurта, столицы южноавстрийской озёрной земли Каринтия. Я вместе с двумя американцами должен был провести семинар по переводу с немецкого на английский старшеклассникам так называемой *Waldorfschule*¹. Что бы мне ни говорили о детях, посещающих эту школу, я бы сказал, что это замечательные подростки. Да, трудные молодые люди в школе этого типа не редкость, но в *Waldorfschule* не губится своеобразие и самовыражение детей. Преподаватели общаются с ними как с друзьями, и никто меня не убедит в том, что это плохо. У многих людей подобная система вызывает отторжение – как же так, учитель и ученик друзья?! Американцы были тоже не совсем довольны тем, что к ним автоматически не проявлялось уважения. Вообще я заметил, что именно американцы, находясь за пределами своей страны, в которой за один неверный взгляд на лицо противоположного пола и за дружеское похлопывание ребёнка по плечу можно сесть в тюрьму на несколько лет, просто “расслабляются” в континентальной Европе. Здесь они и на детей могут прикрикнуть, и громко свистнуть на центральной улице, увидев симпатичную женщину, ну а уж об алко-гольно-наркотических пристрастиях молодых американцев можно писать и писать. Слава Богу, мой очерк не об этом!

Я, как и при общении с другими детьми, был настроен заработать уважение своей группы. И мне это сделать удалось. В конце каждого дня я с другим австрийским учителем Мартином и учениками шёл играть в пляжный волейбол на озере Вёртер. Как-то раз температура во второй половине дня добралась до +37°С, и мы все укрылись в тени. Двое ребят отпросились отойти на полчаса. Что ж, нет проблем, мы ихпустили. И не зря! Два альпийских молодца со светящимися серыми глазами притащили ящик пива “Хиртер”. Это светлое пиво – визитная карточка Каринтии. Оно, как вода самого большого в этой земле озера Вёртер, ласкает, и даже человека в плохом настроении способно вернуть на праздник жизни.

Вообще, Каринтия – это земля озёр. Озёра здесь скрываются между скал или открыто красуются в окаймлении лесов. А сколько таинственно-романтических замков органически дополняют озёрные пейзажи. Общей особенностью для всех озёр этой австрийской земли является их уникальная тёмно-лазурная вода.

¹ Waldorfschule (нем.) – Вальдорфская школа. Этот тип общеобразовательной школы распространён по всему миру, но особенно развит на юге Германии и в Австрии. Цель этой школьной системы – развить способности ребенка и развить уверенность в себе. В начальных классах Вальдорфской школы закладываются основы знаний, при этом развиваются, прежде всего, творческие способности ребёнка.

Вечером перед отъездом мы устроили “сосисочный вечер” на заднем дворе школы. Американцы мне признались в том, что самым их большим впечатлением от пребывания в Австрии стало распитие спиртного на заднем дворе школы. Зная Америку с её пуританской ограниченностью, граничащей с сумасшествием, я понимаю и даже, в некотором смысле, сочувствую молодым, симпатичным ребятам, большинство из которых, побывав в континентальной Европе, не хотят возвращаться домой.

На вечеринке либеральные родители моих учеников большую часть времени рассказывали анекдоты про Йорга Хайдера¹. Это довольно симпатичный, подтянутый австрийский политик, который считает, что даже один албанец – это для Австрии слишком много. Он был одним из первых в Европе, кто осудил американскую агрессию в Ираке и выходки чеченских боевиков в России. Он первым возмутился, когда последних стали в ведущих европейских и американских газетах называть повстанцами. В его земле самые щедрые социальные льготы. На предвыборных плакатах Партии Свободы можно встретить такие надписи “Социальное государство вместо эмигрантов”. Логично: надо выбирать.

Утром я выезжал в Тироль. Включив радио в машине, я услышал грустные, но торжественные ноты одного из многочисленных хоровых коллективов Каринтии. Славянская часть австрийской души снова давала о себе знать. Торжественность и грусть, – какая взаимодополняющая германо-славянская смесь! Эти составляющие именно в музыке проявляются наиболее чётко. Особенно если послушать сначала “Славянские танцы” Дворжака, а затем “Немецкие танцы” Шуберта. Эта германо-славянская смесь сама по себе является культурным импульсом.

Австрия для туристов

Тироль – это горно-скалистая земля Австрии, причём, где круче склоны, там люди упрямее. Во время работы в Тироле жили мы в почти курортном городишке Кирхберг. Этот окружённый живописными горами городок всем своим видом говорит: приезжайте, вы долго работали, сейчас время потратить честно и нечестно заработанные деньги.

То и дело у бутиков видишь богатых американцев в шляпах и кожаных шортах, *just to show – been there, done that* (показать знакомым – был там, всё попробовал). Им всё равно, что на первый взгляд кажущиеся тирольскими шляпы сделаны в Китае.

В самом горном из всех столиц австрийских земель Инсбруке я любовался известным на всю Европу позолоченным карнизом одного из старинных зданий (*Goldnes Dachl*), и мне вспомнился почему-то тирольский борец за независимость, бородатый Андреас Хофер, поднявший восстание против наполеоновских захватчиков. О нём помнят далеко за пределами Тироля. Однажды я шёл в Хандшухайме (район Гейдельберга) и увидел улицу, названную его именем. “Вот она, тевтонская солидарность”, – подумал тогда. Она выражается и в национальной одежде: эдельвейсы, пуговицы из оленьей кости, грубое сукно, валяная шерсть – всё серо-зелёное. То тут, то там на юге, даже в центре Германии, как и в Австрии, можно встретить людей с элементами этой народной одежды. Этот тевтонский дух проявляется и в певческих праздниках, когда, как по зову Нибелунгов, съезжаются коллективы из Баварии и самого севера Германии, из Саксонии и Южного Тироля, из Эльзаса и Рейнланда. Часто эти фестивали открывает Хайно, альбинос в тёмных очках, поющий патриотичные песни.

В составе современной Австрии сохранился лишь северный Тироль. Большая и самая благодатная часть этой земли после Первой мировой войны отошла к Италии. Муссолини, несмотря на дружбу с фюрером, не отдал южный Тироль Рейху. И правильно сделал – хоть в одной части Италии чистота и порядок. Меран (Мерано) и Боцен (Больцано) – эти города Бог создавал на свежую голову и будучи в хорошем настроении. Большая часть населения юж-

¹ В феврале 2000 года в Австрии была создана коалиция из Партии Свободы (*Freiheitliche Partei*) и Народной партии (*Volkspartei*). Главой Партии Свободы был тогда Йорг Хайдер, одно имя которого до сих пор весь мировой Интернационал приводит в трепет. Хайдер в настоящее время возглавляет правительство Каринтии.

ного Тироля двуязычна: немецкий и итальянский языки, особенно молодёжь, знает одинаково хорошо.

Крестьян, как таковых, ни в северном (австрийском), ни в южном (ныне итальянском) Тироле и вообще в альпийских районах Австрии практически не осталось, всё это фермеры, основным занятием которых является гостиничный бизнес. Хозяйства в основном предназначены для хобби и производства экологически чистой еды для посетителей. Я побывал на ужине на “хобби-ферме” у знакомых моего коллеги – всё вкусно, но не разбежишься, все друг другу улыбаются, а поговорить-то не о чем. Западные австрийцы для уточнения понятий и значений за ужином любят обратиться к словарю, даже когда за столом все свои. Как только возникает тема для разговора, всё должно быть разложено по полочкам.

Тироль и Зальцбург были заняты после войны американцами. Может быть, поэтому здесь то и дело ощущаешь, что местные улыбки увеличиваются пропорционально количеству нулей содержимого кошельков туристов.

На запад

Из Тироля я вернулся на неделю в Вену, но даже не пробыв в столице и трёх дней, получилось всё как в песне про комсомольцев: “Дан приказ ему на запад”... предстояло выполнять следующий проект в Форарльберге (Vorarlberg (нем.) – перед Арльбергом), самой западной земле Австрии. Я сел в ночной поезд на Западном вокзале Вены в десять часов вечера. Проснулся уже на рассвете, когда поезд мчался по совсем недавно покинутому мною Тиролю. За окном мелькали альпийские дома с мощными балконами и белыми стенами, на которых готическим шрифтом написаны строчки из Евангелия, как будто только что постриженные луга, на которых паслись счастливые альпийские бурёнки.

А вот и гора Арльберг. “Там за горой всё по-другому”, – говорили мне австрийцы из восточных земель о Форарльберге. Поезд въехал в туннель, и через несколько минут на склонах были видны уже дома другого типа, нежели в Тироле. Они проще тирольских, но и ещё больше по размерам. Эти дома обшиты мелкой древесной щепой. На вокзале в Дорнбирне (по-форарльбергски *Доррабира*) одиноко сидел местный житель в характерных для этой земли деревянных башмаках, покрытых мохнатой шерстью.

Здесь ощущается бурное развитие экономики. Все машины как будто только что от дилера. Рабочие ходят на детей, собирающих дома из игрушечного конструктора. Многие местные жители работают в Швейцарии, может быть, отчасти поэтому в Форарльберге самые большие доходы в Австрии. Вообще, жители этой земли в первой половине прошлого века проголосовали за объединение со Швейцарией, но швейцарцы были не в восторге от идеи расширения своего затерявшегося в альпийских скалах финансового рая.

В Форарльберге живут преимущественно *алеманны*^{*}, здесь менталитет действительно отличается от остальной части Австрии. Это Запад, с небольшим средиземноморским влиянием, но уже с ослабленным ощущением континентальных настроений. Здесь начинает свой путь Рейн – исконно германская река. В этих краях не зазывают в гости распробовать молодого вина, как на Дунае. Местные жители носят репутацию самых прямолинейных, честных и доскональных людей в Австрии. Если вам не идёт костюм или причёска, вам об этом здесь непременно сообщат. Если вы отличаетесь внешне от местных жителей, вас спросят не откуда вы приехали, а следующим образом: “По вам видно, что вы не отсюда, так откуда же вы?” Так спросил местный житель у моего знакомого канадца с примесью индейской крови.

Интересное у меня получилось знакомство в парке на берегу Боденского озера. Вечером я прогуливался вдоль озера и присел на скамейку, чтобы полюбоваться закатом на озере. Мимо проходили почтительные господа с собачками, на роликовых коньках проезжали молодые люди с наушниками. Я не

* Алеманны – германская этническая группа, преимущественно населяющая верховья Рейна (австрийская земля Форарльберг, немецкоязычная Швейцария, княжество Лихтенштейн, части германской земли Баден-Вюртемберга). Верующие преимущественно католики, говорят на алеманнских наречиях немецкого языка. Считаются одними из самых трудолюбивых и экономных германцев.

заметил, как на скамейку присел худой старик очень “помятого” вида. Он попросил меня дать ему пару центов. Я даже “перевыполнил” его просьбу, поскольку вид его заслуживал сочувствия: видно было, что он ест не регулярно, глаза ввалились, а рубашка была уже давно не стирана.

У нас завязался разговор. Выяснилось, что он родом из Тироля, в 18 лет поехал на заработки в Киль и там же был призван в вермахт. Он воевал на Восточном фронте. У него нет родни, своей семьи он не создал, живёт в доме престарелых, где ему частенько напоминают о том, что у него нет каких-либо особых прав, поскольку он воевал не за правое дело, а главное, что на эту бойню его нынешняя власть не посылала. Ханс, так звали старика, с негодованием сказал:

– Я воевал под Моздокком, а сейчас туда позвонить по карточкам, продающимся в северокавказских телефонных ларьках, дешевле, чем звонить внутри Брегенца! Чеченцы постепенно обживают Брегенц и чувствуют себя здесь, как дома.

Мне было нечего добавить. . .

В Форарльберге в качестве сезонных рабочих работает много восточных немцев. С одним из них, Енсом из Хемница, я жил по соседству. Это аккуратный, умелый паренёк, вообще добрый малый. Осси подрабатывают и в Швейцарии. Он как-то интересно заметил:

– Вот вроде Дорнбирн, чистый, современный, европейский город, а следов культуры-то, кроме парка с авангардистскими кубами, прутами и квадратами, нет. Нигде здесь не чувствуется следов классики или даже народного искусства. Я был когда-то в Суздале, и что мне тогда бросилось в глаза, несмотря на небогатый быт сельских жителей, у каждого ставни были с резьбой. У нас в Саксонии тоже есть изюминка. А здесь иссякло желание мастерить и творить. Грустно.

Лично мне очень понравился Брегенц, даже больше Дорнбирна, всё же близость озера – это серьёзное преимущество. Когда я работал в Брегенце, меня пригласили в гости родители одного моего ученика, Марко Павлича. Они хорваты, очень агрессивно настроенные против сербов. Я даже не вслушивался в то, что говорили эти сторонники фашистов-ушастей. Я думал о той страшной несправедливости, виновником которой явилось американское правительство и НАТО весной 1999 года. Я был тогда в Канаде и помню, что с канадцами даже говорить на эту тему было небезопасно. Большинство из них даже не знали, где находится Сербия и Косово, но были “с пеной у рта за бомбардировки”. Меня тогда потрясла их чисто западная уверенность в своей правоте.

Тогда проявилась и истинная сущность социал-демократов всех толков. Так же, как они в Америке и в Европе рукоплескали бомбардировкам Югославии, в 1914 году они приветствовали начало Первой мировой войны. Я никогда не забуду, когда, будучи в Канаде, я наблюдал заседание канадского парламента по поводу того, участвовать в бомбардировках Югославии или нет. Социал-демократ Свен Робинсон из почти коммунистической Новой Демократической Партии подскочил: надо, мол, наказать диктатора.

Никто не думал тогда на Западе о варварствах хорватов и боснийцев, никто не пытался разобраться в сложной ситуации, сложившейся на Балканах. В Югославии времён Тито трудно было и подумать о том, что в один прекрасный день основное производство, создававшееся “при значительном участии” именно сербов, перестанет служить единой Югославии, а будет использоваться на благо тех республик СФРЮ, которые подчинились западным крестоносцам. А кто мог подумать, что все фармацевтические производства, построенные в странах СЭВ, достанутся атлантическому Евросоюзу. . .

А теперь посмотрите на карту: Сербия практически полностью оттеснена от побережья. Хорватия узеньким архипелагом протягивается вдоль Адриатики. Мечтой Запада было бы отрезать от России и Балтику и Черное море, чтобы единственный выход к морю был бы к льдам на севере и к Тихому океану, в котором особые права на лов крабов и рыбы были бы у японцев и американцев.

Когда заживо сожгли пограничника генерала Гамова, на Западе никто и глазом не моргнул. А им-то что, он боролся с теми, кто давал возможность японским браконьерам безнаказанно грабить российскую акваторию. И дали подонкам всего лишь по четыре года!

Один серб в Ванкувере сказал мне до бомбардировок Югославии, что никто не сможет сравниться с варварством турок-осман. Но, оказывает-

ся, “крестоносцы”, выступившие единым фронтом весной 1999 года, бомбя и разрушая города, сёла и ценнейшие памятники Сербии, превзошли всех. Тогда они показали свою сущность и дали понять: социал-демократы и христианские социалисты, демократы и республиканцы, тори и лейбористы – всё это разговоры. Атлантические западные государства решили наказать православную державу, вытесняя её всё дальше в глубь континента.

В княжеских владениях

Из Форарльберга я решил на один день съездить в находящееся совсем рядом княжество Лихтенштейн. Рано утром я на поезде доехал из Дронбирна до городка Фельдкирх. Там пересел уже на светло-жёлтый, футуристического вида лихтенштейнский автобус, который регулярно ходит между Фельдкирхом и столицей княжества Вадуцем.

За окном автобуса радовали глаз альпийские пейзажи, а уже через двадцать минут автобус остановился на границе с княжеством, и в него вошли изрядно вооружённые швейцарские пограничники*. Мой паспорт они даже не посмотрели и ничего не спросили. Всё время стражей “налогового рая” ушло на проверку документов человека ближневосточного типа.

Вадуц – чистенький, прямо-таки вылизанный альпийский город, в котором много банков, а русская речь слышится значительно чаще, чем в соседнем Форарльберге. Парламент княжества находится в самом центре Вадуца и скорее похож на классическую виллу, чем на государственное здание. В Вадуце известный на весь мир музей марок, здесь есть на что посмотреть и коллекционерам монет. При этом у меня сложилось впечатление, что на большинстве местных марок и монет изображены члены княжеской семьи. В одном из магазинчиков, специализирующихся на марках, я разговорился с владельцем – лихтенштейнцем филиппинского происхождения. Интересный парень, прекрасно говорящий на правильном немецком, рассказал мне, что получение гражданства княжества зависит исключительно от решения самого князя. Если ты сумеешь князя убедить в том, что ты здесь нужен, тебе дадут гражданство. После Второй мировой войны многим казакам, воевавшим в составе вермахта, удалось получить постоянное прибежище в Лихтенштейне.

Турецкая закуска в Дорнбирне стоит 3.50 евро, а в Вадуце уже 6.00 евро. Сравнение цен в Австрии и Лихтенштейне во многом напоминает анекдот про двух новых русских, где один хвастается галстуком за тысячу долларов, а другой говорит о возможности приобретения такого же галстука за две тысячи.

По пути к замку князя я решил попробовать знаменитого лихтенштейнского вина. Виноградники можно встретить почти в самом центре Вадуца. Я разговорился с одним виноделом, который почему-то сначала принял меня за саксонца из бывшей ГДР и решил похвалить:

– Вы, саксонцы, лучше всех работаете во время сбора винограда и не требуете столько, сколько требуют австрийцы и местные.

На лесных извилистых тропах, ведущих к замку, то и дело попадаются различного рода указатели, рассказывающие об истории Лихтенштейна. Когда я поднялся к замку, то поразился широте панорамы, открывшейся моему взору. С вершины горы можно было обозреть значительную часть княжества. Внутрь замка зайти было нельзя, но зато мне удалось понаблюдать за местными садовниками. Здесь их работала целая гвардия. Инфантильно-счастливые молодые парни шутили между собой и напомнили мне советских школьников, проходящих летнюю трёхнедельную производственную практику на школьном дворе.

Вот и закончилось моё пребывание в Австрии. Я ехал в Германию и думал, что история Германии, которая, конечно, неотрывна от истории Австрии, – это история постоянной борьбы между мало-германской и велико-германской идеями, между протестантским прусским севером и католическим преимущественно баварским и австрийским югом, наконец, германская история – это история развития и формирования идей единства и свободы в борьбе с тевтонской агрессивностью и ограниченностью.

* Границу Лихтенштейна с Австрией охраняют швейцарские пограничники. Хотя Лихтенштейн формально и является независимым государством, в экономическом и военном плане оно контролируется Швейцарией. Денежная единица Лихтенштейна – швейцарский франк.